

The book cover features a light brown background with a network of thin, dark lines forming a complex geometric pattern of triangles and polygons. In the upper center, there is a dark, rectangular box containing the title in white, bold, sans-serif capital letters.

**СЕКРЕТНЫЕ
МИССИИ**

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

В книгах «Охотник за шпионами» и «Друг или враг?» О. Пинто рассказывает о своем многолетнем опыте работы в органах английской, голландской и бельгийской контрразведок. В ряде ярких и запоминающихся эпизодов автор раскрывает тесную взаимосвязь, существующую между разведывательными и контрразведывательными органами капиталистических государств, рисует картину борьбы английской контрразведки против гитлеровского шпионажа во время второй мировой войны.

- [О. Пинто.](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [Глава 4.](#)
 - [Глава 5.](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

О. Пинто.

Друг или враг?

Глава 1.

МЯГКОСЕРДЕЧНЫЙ ГЕСТАПОВЕЦ

I

В 1943 году я работал в штабе голландской контрразведывательной службы в Лондоне. Эту службу прозвали «заграничной полицией», и она действительно представляла собой помесь пятого отдела управления военной разведки с уголовным розыском. Иными словами, здесь занимались вопросами из области военной разведки и уголовного розыска в той мере, в какой они затрагивали голландских граждан, проживавших тогда на территории Англии. Я оказался в числе тех немногих голландцев, которые имели опыт работы в контрразведке, и поэтому меня поставили во главе юридического отдела. Мое решение по любому делу было окончательным, так как фактически я выступал в роли сразу трех лиц: следователя, прокурора и судьи. Через мои руки проходили дела всех тех лиц, виновность которых удавалось доказать.

Прежде чем рассказать об одном из самых невероятных случаев из моей практики, я вкратце остановлюсь на процедуре проверки беженцев, которую я подробно описал в своей предыдущей книге «Охотник за шпионами».

В 1941 году в Вандсворте была создана Королевская викторианская патриотическая школа. В этом деле принимал участие и я. Все беженцы, прибывавшие в Англию из Европы, независимо от пола и возраста, направлялись в эту школу. Там, оставаясь под стражей, они получали врачебную помощь и проходили медицинский осмотр. Эти люди, которым пришлось пройти многие сотни миль, спать в грязных подвалах вповалку прямо в верхней одежде, голодать, есть что попало и при этом все время находиться в состоянии большого нервного напряжения, легко могли привезти с собой различные острозаразные заболевания, такие, например, как тиф. После медосмотра беженцев тщательно проверяла английская контрразведка, выискивая среди них явно подозрительных лиц. Те, кто проходил проверку, направлялись к эмиграционным властям, где оформляли свой въезд в страну и получали надлежащие документы, удостоверения личности и продовольственные карточки. Пока шла проверка, беженцы находились под стражей. Они были оторваны от внешнего мира и даже не получали писем

от родственников или друзей, обосновавшихся здесь ранее.

Но и после оформления въезда беженцев не выпускали на свободу. Их тотчас же направляли в органы контрразведки соответствующих стран, где они снова подвергались строгой проверке. И только после этого беженцев оставляли в покое и они начинали устраивать свою жизнь.

Такое отношение к беженцам-иностранцам на первый взгляд может показаться бесчеловечным: ведь эти люди, вместо того чтобы безропотно покориться немцам и жить у них под пятой, пожертвовав всем и рискуя жизнью, бежали в единственную страну Западной Европы, где велась настоящая борьба за свободу. Но среди каждых ста честных беженцев вполне мог оказаться шпион или предатель. Поэтому-то каждого беженца и приходилось считать потенциально виновным, пока ему не удавалось представить доказательства своей невиновности.

Как это ни странно, но война, которую мы вели против гитлеровской диктатуры, потребовала отказаться от одного из основных принципов английского права, возлагающего всю тяжесть доказательства вины на обвиняющую сторону. Я уже как-то останавливался на этом. В условиях, когда один умный и неразборчивый в средствах человек мог причинить громадный ущерб обороноспособности страны, люди, оказавшиеся под подозрением, должны были нести бремя доказательства своей невиновности. Печальный факт, но ничего не поделаешь — такова война.

II

Однажды утром я сидел у себя в кабинете в уютном здании на площади Итон Сквер, которое было отведено для нашей «заграничной полиции». На столе передо мной лежал листок бумаги, где были записаны краткие сведения о человеке, которого в тот день мне предстояло допрашивать. Фамилия — Тер Хит, возраст — сорок восемь лет, женат, двое детей. До побега в Англию — секретарь одной голландской фирмы в Париже. Он имел дипломатический паспорт, а это, как мне было известно, означало, что его въезд в страну уже был официально оформлен эмиграционными властями после довольно поверхностной проверки. В Королевской викторианской патриотической школе поступали совершенно правильно, не подвергая очень уж строгой проверке обладателей дипломатических паспортов и предоставляя делать это работникам контрразведки соответствующей страны. Так что я заранее знал, что дело Тер

Хита мне придется разбирать с самого начала, и это заинтересовало меня. Но тогда я и не подозревал, что делу этому суждено было стать одним из самых запутанных и фантастических из всех тех, с которыми я сталкивался.

Подняв трубку телефона, я попросил направить Тер Хита ко мне. Через несколько минут он стоял передо мной. Я предложил ему стул у своего стола и несколько мгновений молча изучал его. Тер Хит принадлежал к числу людей, которых не так-то легко раскусить. Если этот человек отправится гулять по Пикадилли или Пятой авеню, по Елисейским полям или Унтер-ден-Линден, он наверняка сразу смешается с толпой. Единственное, что поражало в Тер Хите, так это отсутствие характерных черт, полная обыкновенность. Он был воплощением среднего человека: средний рост, нормальное телосложение, светло-каштановые волосы, правильные черты лица — ничего примечательного. У меня хорошая память вообще — значительно лучше, чем обычно бывает у людей, — и особенно на лица, но к описанию этого человека я ничего больше добавить не могу. Теперь, когда прошло уже десять лет, если я стараюсь представить себе его, передо мной снова возникает какое-то расплывчатое пятно, воплощение обывателя, человек-хамелеон, который легко сливается с кирпичными стенами, бетоном и асфальтом любого крупного города.

При первом же взгляде на Тер Хита у меня мелькнула мысль, что врожденная способность сливаться с окружающей средой — неоценимое достоинство человека, особенно если он шпион. Бросаются в глаза и хорошо запоминаются люди либо высокие, либо слишком полные, либо с какими-нибудь оригинальными, скажем, моржовыми усами. Такие качества — серьезная помеха для того, кто собирается стать шпионом. Маленький же, серенький человечек, не оставляющий следов в чьей-либо памяти, опасен вдвойне. В первый момент я даже приподнялся на стуле: Тер Хит заинтересовал меня.

— Пожалуйста, расскажите о себе все по порядку, — попросил я. — Почему вы покинули Францию? Как вам удалось бежать? По какому маршруту? Словом, все, что вы можете припомнить. Не спешите, торопиться нам некуда...

Тер Хит заговорил. Голос у него оказался именно таким, как я и ожидал: ни тенор, ни бас, а какой-то неопределенный, монотонный. Хотя как секретарь голландской торговой фирмы он был сильно загружен работой, ему, по его словам, захотелось внести посильную лепту в дело борьбы с немцами. Он вызвался помогать беженцам на участке между Парижем и Дижоном.

Здесь мне хочется сказать несколько слов о маршрутах,

которыми пользовались беженцы, — это имеет прямое отношение к делу Тер Хита. Из Голландии люди бежали через Бельгию и Францию, пересекали испанскую границу и попадали в Португалию. Таких маршрутов было несколько, и каждый из них разбивался на ряд коротких участков, на которых работали один или несколько добровольцев, обеспечивая безопасный проход беженцев от одного конечного пункта участка к другому. Фактически побег складывался из передвижения по множеству коротких этапов. Человек, обслуживающий определенный участок, забирал беженцев, допустим, в подвале какого-нибудь дома и вел их до автобусной станции, находившейся милях в двадцати от подвала; там он передавал их другому человеку, работавшему на соседнем участке, и так далее. Хотя разбивка маршрута на короткие этапы неизбежно вела к излишним задержкам, а в ряде случаев увеличивала опасность провала, идти на это вынуждало одно очень серьезное соображение: когда гестапо удавалось схватить кого-нибудь из работавших на маршруте и с помощью пыток заставить заговорить, он мог выдать только два звена цепи — человека, у которого он принял беженцев, и человека, которому их передал.

Один из самых важных маршрутов, проходивших по территории оккупированной Франции, обслуживался монастырями римских католиков, которые охотно укрывали у себя беженцев и даже облачали их в монашеские одеяния. Как настоящие монахи, беженцы шли по французской земле от монастыря к монастырю на юг. Если когда-нибудь будет написана история европейского подполья времен второй мировой войны — это безусловно будет большая, увлекательная книга, все поймут, какую колоссальную помощь оказали беженцам монастыри римских католиков.

Однако вернемся к Тер Хиту. Он подробно рассказал мне, как помогал голландским беженцам: добравшись до Парижа, они звонили ему на службу и, пользуясь невинно звучащим кодом, который постоянно менялся, извещали его о своем прибытии. С его помощью они несколько дней прятались в Париже, а когда путь освобождался, он лично вел всю группу, обычно состоявшую из нескольких человек, к Лионскому вокзалу, где передавал ее следующему проводнику, у которого уже были билеты до Дижона.

— Несколько месяцев все шло гладко, — продолжал Тер Хит своим монотонным голосом. Его манера говорить и запас слов еще больше изобличали в нем типичного среднего человека. Его никак нельзя было назвать необразованным, но и высокообразованным он не был, а судя по бесцветным незамысловатым фразам, из которых состояла его речь, он едва

ли обладал живым воображением. Но постепенно им начало овладевать беспокойство. Гестаповцы арестовали одного за другим двух его сообщников, работавших на маршруте. Однажды, отправив очередную группу, Тер Хит с волнением ждал условного сигнала, означающего, что люди благополучно прибыли в назначенное место южнее Дижона, но напрасно. Он и раньше не отличался особой храбростью, а сейчас нервы его были напряжены до предела: каждый телефонный звонок в конторе, шаги прохожего у него за спиной на улице, наконец, просто стук в дверь заставляли его вздрагивать. «Гестапо, — сразу же мелькала мысль, — страшное, ненавистное гестапо. Меня арестуют и будут пытаться!» К тому же, наивно добавил он, ему не хотелось, чтобы пострадала голландская торговая фирма, в которой он служил. Ее наверняка закрыли бы, если бы выяснилось, что один из служащих — участник Движения сопротивления. Кроме всего прочего, он женат, и ему приходится заботиться о жене и детях. А если его арестовали бы, как бы они жили в чужой стране? Ведь их могли арестовать как заложников и, несмотря на полную невиновность, наказать за соучастие в его преступлении!

Я сочувственно кивнул. Конечно, легко сидеть в уютном кабинете и судить о человеке, нервы которого не выдержали. Но далеко не легко тому, кто, обремененный семьей, живет в незнакомом городе среди чужих людей и занимается опасным делом, зная, что малейшая ошибка или предательство сообщника грозят смертью и тебе и твоей семье! Тер Хита никто не принуждал участвовать в Движении сопротивления. Он сам решил сделать для Голландии все, что было в его силах, но весь его небольшой запас мужества иссяк.

Он решил бросить работу на своем участке маршрута и уведомил об этом человека, у которого принимал беженцев. Шли недели. Никаких признаков того, что гестапо интересуется им, не было, и он стал понемногу успокаиваться, лучше спать. Но тут-то и нагрянула беда.

Однажды утром к Тер Хиту в контору зашел голландец, назвавшийся Питерсом. Он сказал, что несколько видных подпольщиков, у которых важные секретные документы, должны срочно попасть в Лондон — от этого зависит ход войны. Заявив, что помочь этим людям может только Тер Хит, Питерс спросил, не согласится ли он в последний раз провести их через свой участок. Тер Хит отрицательно покачал головой: слишком велика опасность. Гестаповцы напали на его след и уже арестовали его сообщника в Дижоне. По всей вероятности, этих подпольщиков арестуют сразу же, как только они окажутся в Дижоне, а может быть, еще до отъезда из Парижа. На такой риск идти нельзя.

Питерс грозил, уговаривал, просил. Это не отнимет много времени, да и какие есть основания считать, что гестапо заинтересовалось именно Тер Хитом? Один только раз, последний раз, и Тер Хит может идти с миром, зная, что он как истинный голландский патриот исполнил свой гражданский долг. Просьба небольшая, но очень многое зависит от того, согласится он или нет! И так далее... Питерс расхаживал по комнате, отметая все доводы и отговорки Тер Хита. Тер Хит никогда не обладал твердым характером и под натиском настойчивых уговоров Питерса стал сдаваться, сказав, что подумает. Питерс не замедлил воспользоваться этим и потребовал немедленного ответа. Время не терпит, заявил он. И чем быстрее Тер Хит решится выполнить это последнее задание, тем быстрее он сможет исчезнуть и заняться своим делом.

С большой неохотой Тер Хит согласился последний раз провести группу через свой участок. По двое, по трое беженцы стали собираться у него в конторе. Тер Хит с ужасом увидел, что с Питерсом их было шестнадцать! Он рассчитывал, что в худшем случае их наберется пять — шесть. Ведь чем многочисленнее группа, тем больше риск привлечь внимание гестапо. Но идти на попятную было поздно, и он назначил им место сбора — в одном кафе на следующий день за час до отхода поезда. Тер Хит предупредил беженцев, чтобы они приходили в кафе поодиночке, а собравшись, не разговаривали друг с другом и вели себя, как незнакомые люди. Сам он придет в кафе немного раньше и, когда все соберутся, расплатится и выйдет на улицу. Все должны незаметно проделать то же самое и следовать за ним к Лионскому вокзалу, где их будет ждать очередной проводник с билетами. Тер Хит подойдет к проводнику и заговорит, с ним, чтобы все его знали. Потом они получают билеты и садут вместе с проводником в поезд.

Все члены группы поняли этот нехитрый план, и Тер Хит отпустил их, еще раз предупредив, чтобы утром все были в назначенном месте точно в срок. Дома он провел бессонную ночь. А вдруг что-нибудь случится? Эта мысль не давала ему покоя, и он проклинал себя за то, что поддался уговорам и согласился снова рисковать собственной головой. На следующее утро он пришел в кафе, заказал кофе и стал ждать, чувствуя, что вот-вот нервы не выдержат. Члены группы один за другим появлялись в кафе и непринужденно усаживались за столики. Все они были опытными подпольщиками и мастерски владели искусством не привлекать к себе внимания. Собралось семь человек, затем девять, десять, двенадцать. Через несколько минут появился тринадцатый и спокойно прошел к одному из столиков. Немного

дольше пришлось ждать четырнадцатого. Но вот пришел и он, и сразу же за ним появился пятнадцатый. Минута шла за минутой. Стрелка на часах Тер Хита безжалостно ползла по циферблату, а последний, шестнадцатый член группы все не появлялся. Прошло еще пять минут, десять, наконец четверть часа, но его все не было. Тер Хита бросало то в жар, то в холод. Идти он не решался. А что если шестнадцатый почему-либо задержался или заблудился? Но и оставаться в кафе становилось опасным. Группа была в сборе, и с каждой минутой возрастал риск, что ее обнаружат. Помимо всего прочего, нужно было успеть на поезд, отправлявшийся в Дижон, а времени оставалось в обрез. Тер Хит продолжал сидеть и ждать, молча, уставившись в пустую чашку и барабанив пальцами по столу. Тер Хиту все время хотелось лишний раз взглянуть на дверь, и ему стоило больших сил не делать, этого. Мрачное уныние овладело им. Он прекрасное понимал, что в таком деле это дурная примета, и вряд ли все кончится благополучно. Раньше он никогда не пытался вести такую большую группу, и ни разу еще никто из беженцев не опаздывал на место сбора.

Наконец после долгого, мучительного ожидания он решил, что пора идти; в противном случае все опоздают на поезд. Тер Хит расплатился за кофе, поднялся и медленно вышел из кафе. Он все еще надеялся, что запоздавший выскочит откуда-нибудь из-за угла. Но его не было. У Лионского вокзала Тер Хит передал группу нетерпеливо поджидавшему их проводнику, объяснив, что не хватает одного человека. Затем, едва держась на ногах, терзаемый дурными предчувствиями, он отправился на службу. Остаток дня и всю ночь он не мог избавиться от охватившего его страха, который перерастал в почти физическую боль. Что могло случиться с этим человеком? Не попал ли он в лапы гестаповцев? Может быть, его уже пытаются и уже добились от него полного признания?

Но что мог предпринять Тер Хит? Ничего. Если его еще не подозревают, то попытаюсь бежать, он наверняка привлечет к себе внимание. На следующее утро он, как всегда, отправился на службу и попытался заняться своими обычными делами. Но мысли его вертелись вокруг одного. Мозг Тер Хита лихорадочно работал, строя самые различные догадки о судьбе пропавшего человека. Вдруг зазвонил телефон. Кто-то незнакомым голосом сказал: «Сегодня в три часа дня будьте на бульваре Мальзерб у станции метро». У Тер Хита пересохло во рту, и, заикаясь, он спросил: «Кто говорит?». Голос ответил: «Тот, кто не пришел вчера. У меня для вас есть очень важные новости. Приходите обязательно. Значит, сегодня в три, бульвар Мальзерб, станция

метро». И сразу же щелчок: говоривший повесил трубку.

Тер Хит машинально вытер вспотевший лоб. Он был так ошеломлен, что на какое-то мгновение не мог ничего сообразить. Постепенно мозг его заработал снова. Он стал размышлять. Западня? Но в то же время, если он не пойдет, у него не будет сведений, которые, может быть, помогут ему избавиться от нависшей над ним угрозы. Идти или не идти? Казалось бы, простой вопрос, но ведь речь могла идти о жизни и смерти. В конце концов Тер Хит решил, что ничего не потеряет, если пойдет. Если звонил вражеский агент, то, значит, его уже выследили. Следовательно, немцам известно, какую роль играл он в организованном вчера побеге, и по номеру телефона они узнают, где его искать. Если он не явится в указанное место, немцы придут за ним сами. Но ведь не исключена возможность, что звонивший действительно тот, за кого себя выдает? Может быть, у него действительно есть важные новости, и, встретившись с ним, Тер Хит спасет себе жизнь? Но... сколько Тер Хит не раздумывал над этим вопросом, он не мог прийти к определенному решению. Инстинктивно он чувствовал, что идти не надо. Элементарная же логика подсказывала, что, пожалуй, идти следует.

Наконец с большой неохотой он все же отправился в назначенное место. До бульвара Мальзерб Тер Хит доехал на метро. Когда он поднялся по ступенькам вверх, было около трех часов. Вдруг Тер Хит услышал, что кто-то подходит к нему сзади. Он быстро повернулся и сразу же узнал пропавшего беженца, который был всего в нескольких метрах от него. Но теперь беженец выглядел совсем иначе: в сапогах, черной гимнастерке, опоясанной черным кожаным поясом, с пистолетом на боку. На гимнастерке виднелась свастика. Это был капитан гестапо.

Тер Хит стал похож на кролика, которого гипнотизирует удав. Он замер на месте, будучи не в силах даже шевельнуться. Потом, осознав грозящую ему опасность, он быстро осмотрелся, нервно ища взглядом, в каком направлении бежать. Гестаповец многозначительно улыбнулся и нарочито приподнял пистолет в кобуре.

— И не пытайтесь бежать, — сказал он по-голландски.

Взяв Тер Хита под руку, капитан увлек его в сторону, подальше от людей, толпившихся у входа в метро.

— Вы арестованы, — спокойно сказал он, — за участие в организации побегов и за пособничество врагам. Отпираться бесполезно. Как вам известно, я присутствовал при разработке плана побега. Кстати, остальные пятнадцать человек уже арестованы в Дижоне, заключены в тюрьму и ждут суда.

Тер Хит, по его словам, хотел было протестовать, но не мог произнести ни единого слова. Он попал в западню и не видел никакого выхода.

Гестаповец, как и прежде, продолжал говорить ровным приятным голосом:

— Как вы можете судить сами, я прекрасно говорю по-голландски, но, разумеется, я немец. Питерс, заходивший к вам три дня назад, — один из тех порядочных голландцев, которые правильно понимают интересы родины. Он работает на меня.

Гестаповец немного помолчал, дав Тер Хиту возможность переварить все сказанное, а затем заговорил снова:

— Но, послушайте, день сегодня чудесный, и вести вас в штаб мне не к спеху. Пока я вас официально не арестовал, давайте пройдемся по бульвару и посидим где-нибудь в тени. Мне хотелось бы понять, как порядочный человек мог стать предателем?

Тер Хит и гестаповец дошли до тенистой аллеи и уселись на скамейке, словно два друга, встретившиеся после долгой разлуки. Капитан гестапо расспрашивал его о работе, о жене и семье, о личной жизни. Если бы все эти вопросы были заданы в грубой форме, то Тер Хит, по его словам, набрался бы мужества и не ответил бы на них. Но гестаповец так расположил его к себе и так искренне всем интересовался, что Тер Хит невольно начал подробно рассказывать о своей жизни. Он рассказал о жене, о детях, о милом детском лепете, о своей скромной парижской квартирке. Гестаповец довольствовался бессвязным рассказом Тер Хита и только изредка прерывал его вопросами. Затем Тер Хит рассказал немцу, как начал работать в подполье, считая своим долгом помогать соотечественникам, бежавшим из Голландии.

Примерно через полчаса гестаповец прервал Тер Хита:

— Я прекрасно разбираюсь в людях. В моей работе это необходимо. Пока вы говорили, я внимательно изучал вас и пришел к выводу, что вас нельзя отнести к категории преступников. Вы производите впечатление порядочного человека, который руководствуется чувством долга. Будь я на вашем месте, я, очевидно, делал бы то же самое. Мне хочется дать вам последнюю возможность...

Тер Хит, по его словам, не верил своим ушам. Он был так ошеломлен, что не мог произнести ни слова. Гестаповец продолжал:

— Фамилия моя (здесь Тер Хит прервал свой рассказ. «Я не могу назвать его фамилию, — сказал он, — а почему — вы сейчас поймете сами»)... однако дайте честное слово, что никому не назовете ее... Можете бежать... Даю вам десять минут. Хотелось

бы дать больше, но... за мной следует Питерс. Он мой помощник, вы знаете, и я подозреваю, что при нашей системе ему поручено доносить на меня, точно так же, как на него доношу я. В любую минуту он может появиться здесь. Идите. Садитесь на первый же поезд, отправляющийся на юг, и будьте счастливы!

Он даже слегка подтолкнул Тер Хита, словно хотел, чтобы тот скорее ушел.

Тер Хит был поражен. Он даже стал подозревать, что за всем этим кроется какая-нибудь хитрость и стоит ему двинуться — гестаповец выстрелит ему в спину, якобы «при попытке к бегству». Но на лице капитана была дружеская улыбка. Пробормотав несколько бессвязных слов благодарности, Тер Хит, по его словам, бросился прочь. Он сразу же побежал домой, в последний раз пообедал с женой и детьми, взял денег и кое-что из продуктов. Затем поехал на Лионский вокзал, сел на поезд, следующий на юг, и, используя свои связи проводника на маршруте, перебрался через испанскую границу, несколько раз едва избежав поимки. Наконец он попал в Португалию и явился в голландское посольство в Лиссабоне. Его поместили в лагерь для беженцев, а когда настала его очередь, он на самолете вылетел в Англию.

— Вот и весь мой рассказ, — закончил Тер Хит.

III

Несколько мгновений я смотрел на него широко раскрытыми глазами, а потом даже присвистнул от удивления.

— Рассказ, да еще какой! — воскликнул я. — Мне довелось слышать много рассказов от беженцев. Среди них были и захватывающие и интересные своей оригинальностью. Но ваш побил все рекорды! Барон Мюнхаузен с радостью отдал бы вам свои лавры.

Тер Хит взглянул на меня. Этот на вид безобидный человек сейчас выглядел сердитым.

— Что вы хотите этим сказать? — возмутился он.

— Подождите. Правильно ли я вас понял, — сказал я и, загибая пальцы, стал перечислять основные эпизоды его рассказа. — Во-первых, вы помогали беженцам на своем участке маршрута. Во-вторых, один из беженцев не явился в условленное место встречи. В-третьих, на следующий день он звонит вам и просит встретиться с ним. В-четвертых, он оказывается офицером гестапо и арестовывает вас. В-пятых, он отпускает вас, заручившись вашим обещанием никому не называть его фамилии.

В-шестых, он дает вам десять минут сроку, а вы, не торопясь, идете домой, обедаете и отправляетесь на станцию. Это же совершеннейшая нелепость!

Теперь Тер Хит рассердился не на шутку.

— Уверю вас, это правда! — закричал он.

— Правда! — передразнил я его. — Хотя и говорят, что правда необычнее вымысла, но на сей раз она чересчур уж странна. В вашем рассказе есть три момента, которые вызовут подозрения у самого легковверного человека. Ну, прежде всего гестапонец... Ведь всем известно, да и вы должны хорошо знать это, что в гестапо люди подбираются особо, из числа хладнокровных садистов, из тех, кто упивается властью над другими людьми! Гестаповцы — люди грубые, жестокие, не способные сочувствовать. И вдруг нашелся мягкосердечный гестапонец, который пожалел вас и даже рисковал своей жизнью ради спасения вашей. Вы ведь сами сказали, что за ним по пятам шел Питерс. Как вы думаете, что случилось с вашим добрым другом, когда через несколько минут появился Питерс, а желанной птички в клетке не оказалось?

Тер Хит промолчал, и я продолжал.

— Давайте поподробнее поговорим об этом странном субъекте из гестапо. Он заинтриговал меня. Ему не было никакой надобности называть вам свою фамилию, но, будучи человеком оригинальным, он назвал ее. После этого он берет с вас слово держать его фамилию в тайне. Спрашивается, почему? Если он не хотел разглашать своей фамилии, зачем он назвал ее? Что вам это могло дать? Разве вам легче было бежать? Конечно, нет. А ему это только могло повредить, если бы вас снова поймали и, пытая, заставили во всем признаться. Но вы — человек слова. Дав слово врагу своей родины, вы не хотите нарушать его?

— Да, не хочу, — сквозь зубы процедил Тер Хит.

— И наконец, — продолжал я, — мы подошли к самой странной части вашего повествования. Вам дают десять минут, десять драгоценных минут, чтобы бежать и спасти свою жизнь. Любой на вашем месте опрометью бросился бы на станцию, словно подгоняемый самим дьяволом, — только пятки засверкали бы! Да ведь это и был дьявол, только в человеческом образе! Но не тут-то было. Вы не такой, как все. Ваш девиз — «ездить только с комфортом». Вы спокойно едете домой — то есть туда, где гестаповцы стали бы искать вас прежде всего, не торопясь обедаете, собираете вещи, прощаетесь с госпожой Тер Хит и детишками и, пустив слезу, отправляетесь в путешествие. И вы набираетесь наглости рассказывать все эти нелепости мне — человеку, у которого есть кое-какой опыт в таких делах, да еще

надеетесь, что вам поверят? Вы очень низкого мнения обо мне, уважаемый!

— Так, как вы рассказываете, все это действительно кажется до крайности нелепым, — признал Тер Хит, — я сам вижу. Но клянусь вам, все, что я рассказал, — чистая правда!

— Сомневаюсь, очень сомневаюсь, — ответил я. — Рассказывающему о побеге можно простить одну небылицу: такие уж времена настали необыкновенные. Даже две, с этим еще можно мириться. Но у вас их по меньшей мере три — это многовато. Моя задача — докопаться до истины, и я до нее докопаюсь. Торопиться мне некуда. Если потребуется, я буду слушать вас целыми днями. А сейчас, пожалуйста, повторите свой рассказ. Я хочу слышать из ваших уст самые мельчайшие, самые пустяковые подробности — безразлично, реальные или вымышленные.

Самый верный способ изобличить допрашиваемого во лжи — это заставить его несколько раз повторить свой рассказ. Если его показания ложные, он рано или поздно неизбежно допустит какую-нибудь неточность, отойдет от первоначального варианта. Только человек, обладающий феноменальной памятью, может до мельчайших подробностей помнить свою легенду, вновь и вновь рассказывая ее внимательному, терпеливому следователю. К тому же это оказывает на допрашиваемого известное психологическое воздействие. Вынужденный все время повторять ложные показания, допрашиваемый начинает сам сомневаться в правдоподобности своей версии. Когда же допрашиваемому собственная версия начинает казаться шаткой и неубедительной, он становится удобной мишенью для перекрестного допроса.

Вот почему я заставлял Тер Хита снова и снова повторять показания. Пытать его или просто создать ему более строгий режим — об этом, конечно, не могло быть и речи. В книге «Охотник за шпионами» я уже писал, что пытки или строгий режим противоречат моим личным убеждениям, как и убеждениям любого цивилизованного человека, к тому же пытки запрещены в Англии законом. Подсудимый, который докажет суду, что показания он давал под принуждением, может чувствовать себя спокойно: такие показания сразу же будут изъяты из протокола, а сам он скорее всего будет оправдан. Не говоря уже о моральной и нравственной сторонах дела, физические пытки — малоэффективный метод: они не дают возможности добиться от допрашиваемого правды. Большинство людей под пытками несут чушь, стремясь избавиться от страданий. Предпочитая смертную казнь дальнейшим пыткам, они даже могут сознаться в преступлениях, которых не

совершали.

Вот почему почти каждый день Тер Хит сидел в моем залитом солнцем кабинете, расположившись в удобном кресле. Допрос обычно длился до обеда, после чего я оставлял Тер Хита в покое до следующего утра. Мы не заставляли его бодрствовать всю ночь напролет и не будили, давая заснуть всего каких-нибудь полчаса, чтобы разбитого от усталости снова тащить на допрос. У нас не было дежурных следователей, которые, меняясь через каждые два — три часа, непрерывно задавали бы ему вопросы. Если бы мне захотелось замучить Тер Хита допросами, не нарушая правовых и нравственных норм, я в равной степени замучил бы и самого себя. И скоро мы бы увидели, у кого из нас лучше память и кто выносливее.

Тер Хит вновь и вновь повторял свои показания. Я внимательно слушал его, надеясь, что он собьется и допустит какую-нибудь неточность. Но каждый раз я слышал все тот же невероятный рассказ. И всякий раз, заканчивая показания, он робко спрашивал: «Сколько еще раз мне придется повторять все это? Ведь, ей-богу, я не лжец! Я согласен, что мой рассказ необычен, но такова правда. Вы хотите, чтобы я придумал что-нибудь более правдоподобное? Тогда мне, наверное, поверят?»

С каждым днем я проникался все большим уважением к Тер Хиту. Если он шпион, а в этом я был почти уверен, то значительно более выдержанный и умный, чем подсказывала его внешность. Вначале мне казалось, что он собирается провести меня с помощью так называемой легенды внутри легенды. Об этом методе, пожалуй, следует рассказать непосвященному читателю.

Забрасывая агента в ту или иную страну, разведка противника снабжает его легендой, которая объясняет, почему и как он оказался в чужой стране. Объяснения эти — не в пример показаниям Тер Хита — обычно кажутся правдоподобными. Однако на случай, если на допросе эту легенду разоблачат, у агента в запасе оказывается вторая. Приведу пример. Допустим, агент хочет объяснить, почему по прибытии в Англию у него на руках оказалась крупная сумма денег. Он может утверждать, что был курьером какой-нибудь местной организации Движения сопротивления, однако, вынужденный спастись бегством, не успел передать доверенные ему деньги по назначению. После такого объяснения на него начинают смотреть как на истинного патриота, пользующегося доверием у руководителей Движения сопротивления. Но допустим, проницательный следователь разоблачит эту эффектную легенду, и вот тогда-то подготовленный агент, сознавая шаткость своих объяснений, и

прибегает к «легенде внутри легенды». Он может сказать: «Виноват, господа. Вижу, вы слишком проницательны и обмануть вас нельзя. Я обманывал вас, но теперь скажу всю правду. Я действительно участник Движения сопротивления, но я играл очень скромную роль, не такую, конечно, чтобы мне доверили кассу. Когда на мой след напало гестапо, мне, как и многим другим, пришлось бежать. Я добрался до города... (следует название) и оказался в крайне затруднительном положении. Мне грозила голодная смерть. Но я пользовался успехом у женщин (смущение, пожатие плечами). Одна из них — вдова средних лет — пожалела меня: накормила и пустила переночевать. Вскоре мы стали близки. Неделью-другую я жил у нее. Она кормила меня, дала кое-что из вещей покойного мужа и даже деньги на мелкие расходы. Однако вскоре эта женщина до ужаса надоела мне. Ведь она годилась мне в матери. И, как видно, даже в молодости не слыла красавицей. Однажды утром, когда она еще спала, я тихонько встал, взял все ее деньги, которые были спрятаны под половицей, и сбежал. Это, конечно, не делает мне чести, но что поделаешь, такова правда! Теперь, надеюсь, вы понимаете, почему мне не хотелось рассказывать обо всем этом».

Подобная личность, конечно, оказывалась платным агентом немцев. Эта «легенда внутри легенды» могла ввести в заблуждение кого угодно, только не опытного следователя. Как это ни странно, но людям свойственно верить скорее плохому о своем собрате, чем хорошему. И когда человек рисует себя в дурном свете, слушатели обычно считают, что он говорит правду. Следователь, сумевший разоблачить первую легенду, может успокоиться на этом, считая, что добрался до истины, и даже не подумать, что он находится в нескольких шагах от истины.

Теперь вернемся к Тер Хиту. Я не сомневался, что со временем он устанет повторять одно и то же и расскажет другую легенду. Но он по-прежнему продолжал уверять меня в правдивости своих показаний. С каждым допросом он все больше нервничал, и я чувствовал, что он находится на грани истерики. Признаюсь, и я был близок к этому. Уже, наверно, в сотый раз рассказывал он о мягкосердечном гестаповце, и мне казалось, что если я услышу о нем еще раз, то не выдержу и выйду из себя.

Однажды я решил переменить тактику и постараться выведать у него фамилию гестаповца. Он пытался сдержать слово, данное гестаповскому офицеру, и отказывался назвать его фамилию. Я не на шутку рассердился. У меня даже выскакивали крепкие словечки, когда я ругал Тер Хита за то, что он вырванное силой обещание ставил выше долга перед родиной. Мой гнев произвел на него должное впечатление, и через четверть часа он

сдался. Фамилия офицера, по его словам, была Винтерфельдт.

Но большего добиться я не смог. Тер Хит продолжал настаивать, что говорит только правду. Он не добавил ни единого слова и ни от одного не отказался. Я запугивал, уговаривал, грозил, даже умолял, но все было напрасно. Голос у него дрожал, из глаз лились слезы, но он продолжал уверять меня, что, хотя рассказ и кажется невероятным, он все же чистая правда. Тер Хит сильно нервничал, да и я чувствовал, что нервы у меня напряжены до предела. И вот мы, два уже немолодых человека, до смерти надоевших друг другу, решили, что на сегодня хватит.

На другое утро мы начали все сначала. Я снова заставил Тер Хита повторить показания и снова указал ему на явные нелепости. Но опять никакого результата. Если к концу первой недели мы находились на грани истерики, то к концу второй нервы у нас вконец расшалились. Мы готовы были убить друг друга, и каждый из нас с удовольствием обрек бы другого на самую мучительную смерть.

Дни шли... И я начал сомневаться: может быть, действительно Тер Хит говорит правду. Абсурдность его показаний делала их почти правдоподобными. Настоящий шпион, думал я, сочинил бы более подходящую легенду. Шпиону меньше всего хочется привлекать к себе внимание. Если даже он успешно пройдет проверку, но возбудит у следователя подозрение, он останется у него на примете. Подвергнут ли его превентивному заключению или отпустят на свободу — за ним все равно будут следить и могут нагрянуть на место явки. Так что любой шпион, сочинивший такую легенду, как Тер Хит, заранее знал бы, что встретит серьезное препятствие на своем пути.

На допросе Тер Хит мог бы придерживаться только самой правдоподобной части своих показаний и скрыть менее правдоподобную. Он мог бы рассказать, что работал на маршруте (и это могли бы подтвердить беженцы, которым удалось добраться до Англии), а после того как гестапо стало подозревать его, он бежал, воспользовавшись этим же самым маршрутом. Таким показаниям, подкрепленным соответствующими подробностями, сразу поверили бы. Если он шпион, тогда зачем понадобилось ему рассказывать о мягкосердечном капитане Винтерфельдте, об обещании не называть его фамилии и о десяти минутах, которые он растянул до нескольких часов? Может быть, действительно все рассказанное им — правда, а сам он — честный человек, считающий своим долгом рассказать обо всем так, как было.

В пользу Тер Хита говорило одно важное обстоятельство. Шпиона, которого во время войны забрасывают в чужую страну,

обычно снабжают либо средствами для поддержания связи со своими хозяевами, либо адресами, по которым он должен посылать добытую информацию, либо тем и другим. Среди личных вещей шпиона может оказаться миниатюрный микрофотоаппарат, дающий негативы не более булавочной головки, небольшой, но мощный радиопередатчик или приспособления и химикаты для тайнописи. У него может оказаться пара адресов в каких-нибудь нейтральных странах, записанных кодом, скажем, накалыванием соответствующих букв в книге или газете. Можно считать аксиомой, что в военное время ни один шпион не отправляется в чужую страну без каких-либо компрометирующих его предметов. Но я сам осмотрел багаж Тер Хита. Прощупал каждый шов, простучал все стенки его чемоданов, пытаюсь обнаружить двойное дно. Я открыл крышку его часов, тщательно осмотрел звенья цепочки. Но нет, в его вещах не было ничего компрометирующего.

О продолжении допросов не могло быть и речи. Нервы у Тер Хита были напряжены до предела: он не мог дать связного ответа ни на один вопрос, начал заикаться. На него было жалко смотреть. Теперь я уже почти не сомневался в его невиновности, но знал, что на свободу его выпускать нельзя. Поэтому я решил подвергнуть его превентивному заключению.

Такое решение может показаться не в меру суровым. С какой стати человек, которого следователь после долгих утомительных допросов считает невиновным, должен находиться под стражей, словно преступник?

Ответ простой. В мирное время бремя доказательства вины ложится на обвиняющую сторону. Даже если есть косвенные улики против обвиняемого, ни один судья, ни один присяжный заседатель в Англии не признает его виновным, пока не будут представлены исчерпывающие доказательства. К тому же в мирное время согласно закону о неприкосновенности личности ни одного человека нельзя задерживать под стражей дольше положенного срока без предъявления ему обвинения. Даже когда обвинение предъявлено, подозреваемого до суда чаще всего отпускают на поруки, если, конечно, его не обвиняют в совершении тяжкого преступления и если полиция не имеет серьезных оснований опасаться, что он уклонится от явки в суд. Так и должно быть в стране, где свобода человека ставится превыше всего. Пусть лучше на свободе окажется сотня преступников, чем один невиновный будет несправедливо наказан.

В военное время дело обстоит иначе. Как это ни странно, но во время войны, которая начинается ради защиты интересов

малой страны, находящейся под чьим-нибудь покровительством (а так начались обе мировые войны), первой приносится в жертву свобода граждан. Только один шпион, отпущенный на свободу из-за невозможности доказать его вину, может нанести непоправимый ущерб гуманной стране, которая с уважением отнеслась к его правам свободного гражданина. Поэтому в военное время ради блага государства лучше держать под стражей сотню невиновных людей, пока будут какие-то основания подозревать их, чем отпустить на волю одного шпиона. Такое грубое извращение права на свободу личности, за которое на протяжении многих столетий сражались и умирали люди, лишний раз подчеркивает весь ужас и безумие войн. Честные люди — а их было немало и помимо Тер Хита, — которых интернировали в соответствии с военными законами, потому что им удалось доказать свою невиновность, являются жертвами войны. Но ради справедливости к людям, подобным мне, которые упрятали невиновных за решетку, следует добавить, что обращались с ними хорошо, и после войны они оказались целыми и невредимыми, не в пример людям, попавшим в лапы гестапо. Им больше повезло, чем тем, которые были убиты или ранены во время войны.

Тер Хита интернировали, а через неделю к нам поступили довольно странные сведения из Лиссабона. Жена Тер Хита была арестована немецкой службой безопасности: она проговорила соседям, что однажды к ней на квартиру зашел гестаповский офицер и рассказал, как он помог бежать ее мужу. Офицер сказал госпоже Тер Хит, что пришел по просьбе ее мужа взять сорок тысяч франков, якобы хранившихся в небольшом сейфе. Эта сумма будто бы причиталась ему за оказанную услугу. Госпожа Тер Хит ответила офицеру, что, во-первых, никакого сейфа в квартире нет, а, во-вторых, если бы даже он у них и был, то в нем не могло бы оказаться такой крупной суммы. Люди они скромные, получают немного. Произведя поверхностный обыск в квартире, гестаповец поверил ей и ушел. Однако перед уходом он назвал свою фамилию, и, как уже, наверное, читатель догадался, это был капитан Винтерфельдт. На этот раз он даже не считал нужным брать обещание не разглашать его фамилию.

Я распорядился немедленно освободить Тер Хита. Будь он шпионом, немцы, конечно, не арестовали бы его жену. Кроме того, это сообщение подтвердило правдивость его необычных показаний. Голландское правительство вскоре назначило его на ответственный пост, и впоследствии он принес немало пользы в министерстве репатриации.

К счастью, Тер Хит не затаил против меня злобы за те

неприятности, которые я ему доставил. Он понимал, что я всего лишь выполнял свой долг. Со временем мы даже стали добрыми друзьями. Не знаю, что пришлось пережить госпоже Тер Хит. Остается лишь надеяться, что немцы не причинили ей большого вреда и что семья Тер Хитов дружно и счастливо живет и по сей день.

Впоследствии стало известно, что все пятнадцать беженцев, которыми в последний раз занимался Тер Хит, были арестованы в Дижоне и казнены гестаповцами. Среди них был видный журналист, ставший одним из руководителей Движения сопротивления и совершивший немало подвигов. Фамилия его Вас Диаз.

Питерс, сообщник гестаповского офицера, уговоривший Тер Хита в последний раз организовать побег, оказался голландским фашистом. До войны он был владельцем табачной лавки в Амстердаме. О его дальнейшей судьбе ничего узнать не удалось: он бесследно исчез.

И наконец несколько слов о самом странном персонаже всей этой необычной истории — гестаповском офицере капитане Винтерфельдте. Этот оригинал считал возможным предоставлять своим жертвам возможность бежать и имел странную привычку без всякой надобности называть свое звание и фамилию. Мне так и не удалось узнать, отпустил ли он Тер Хита из жалости или из корыстных соображений. Думаю, что вероятнее первое: ведь он должен был знать, что Тер Хит небогатый человек, и при их встрече, оказавшейся первой и последней, и речи о деньгах не было. Мысль посетить квартиру Тер Хита и попытаться получить у его жены деньги, я думаю, пришла ему позже. Но и эту возможность он не использовал.

Сведений о дальнейшей судьбе Винтерфельдта нет, хотя ждать можно одного: если садисты, какими были его друзья-гестаповцы, узнали от госпожи Тер Хит о его малодушии, они наверняка не стали терпеть в своей среде столь странного уника — мягкосердечного гестаповца.

Глава 2.

АЛЫЙ КУРОСЛЕП ИЛИ СВАСТИКА?

I

Опытному контрразведчику не стоит больших трудов узнать, кто работает против него на стороне противника. Это нетрудно установить как на основе данных собственной агентуры, так и по сведениям, поступающим от подпольных организаций. Ему также важно знать фамилии руководителей шпионажа противника и методы их работы, чтобы он мог предвидеть, каких трюков с их стороны следует опасаться. Иногда, допрашивая учеников этих шпионских главарей, контрразведчик узнает, к каким особым приемам они прибегают. Для наглядности расскажу о герре Штраухе. Я хочу подробнее остановиться на его деятельности — она заслуживает внимания.

Герр Штраух — немец. С 1924 года по 1940 год он ежегодно не менее шести месяцев проводил в Голландии. Герр Штраух был одним из руководящих деятелей немецкой фирмы, которая торговала табаком с Голландской Ост-Индией. Поэтому он постоянно курсировал между рынками Амстердама и Роттердама. Герр Штраух был богат и занимал солидное положение. У него была роскошная квартира в Амстердаме и вилла на берегу моря в Зандворте, известном курортном месте.

Герр Штраух не принадлежал к числу хладнокровных, выдержанных воротил делового мира или же жестокосердных бесчувственных финансовых тузов, которых так любят изображать в дешевых романах. Веселый, общительный, герр Штраух был запанибрата не только со своими друзьями, но и со всеми теми, с кем ему приходилось иметь дело. Щедрый и гостеприимный, он всегда с удовольствием приглашал знакомых выпить или отобедать с ним. Там, где собирались люди, торгующие табаком, всегда слышался раскатистый смех герра Штрауха и можно было видеть, как он похлопывал по плечу соседа своей пухленькой ручкой.

Он всегда был очень жизнерадостным и любил выдавать себя за хорошего спортсмена. Не в пример своим коллегам, одетым в мрачные строгие костюмы, он в знак любви к спорту носил костюмы спортивного покроя. И не удивительно, что среди сослуживцев и знакомых герр Штраух слыл «добрым малым».

Однако все это время он был агентом гестапо. Когда в 1940

году немцы оккупировали Голландию, волк сбросил овечью шкуру. Герр Штраух был представителем немецкой разведки в Голландии и долго оставался на этом посту во время войны. Будучи весьма сведущим по части личной конспирации, он оказался значительно более слабым, когда ему пришлось готовить шпионов и создавать для них легенды. Как я уже говорил, для шпиона легенда — это вопрос жизни и смерти. Если шпиону не удастся вырваться из лап следователя, а рано или поздно он попадет в них, какая тогда в нем польза? Он будет лишь представлять собой опасность для тех, кто его послал. Вот почему шпиону нужна легенда правдоподобная и безупречная, какую только в состоянии изобрести человеческий ум. А у герра Штрауха было два недостатка, один из них — типично немецкий. В любой выдуманной им легенде обязательно была хотя бы одна совершеннейшая нелепость, и, более того, нелепости походили одна на другую. Он приспособливал не легенду к человеку, а наоборот, человека к легенде. И довольно скоро мы научились легко распознавать легенды, состряпанные герром Штраухом, — они имели свой характерный почерк.

Приведу пример, на котором я уже останавливался в книге «Охотник за шпионами», в связи с делом Мингера Дронкерса, пожилого человека, прибывшего в Англию в 1942 году. Согласно выдуманной для него легенде он занимался мелкой спекуляцией, а когда его предупредили, что за ним следит гестапо, бежал из Гааги в Роттердам. Там, в кафе «Атланта», он встретился с неким Гансом, который служил в портовой конторе, снабжавшей суда горючим. Ганс сочувственно отнесся к Дронкерсу. Он даже предложил ему лодку и согласился заправить ее горючим. Поторговавшись, они сошлись на том, что за лодку будет уплачено сорок фунтов стерлингов. На ней-то Дронкерс и бежал в Англию. В этой легенде было четыре явных изъяна, которые сразу же возбудили мое подозрение. Во-первых, «Атланта» — фешенебельное кафе, которое посещают богатые люди Роттердама. И вряд ли человек, желающий бежать в Англию, стал бы искать помощи именно там. Скорее всего, он направился бы в какой-нибудь портовый кабачок. Во-вторых, в Голландии было мало людей, способных помочь Дронкерсу в этом деле. Но странное совпадение — он случайно попадает в модное кафе и там сразу же сталкивается именно с таким человеком. В-третьих, Дронкерс шел на большой риск, посвящая в свои дела незнакомого человека, который вполне мог оказаться на службе у гестапо. И, наконец, совершеннейшая нелепость: Ганс — доброжелательный незнакомец — фактически шел на самоубийство ради такой незначительной суммы, как сорок

фунтов стерлингов. Он не смог бы правдоподобно объяснить своему хозяину, куда делась лодка, и тот, несомненно, обратился бы в гестапо, хотя бы в интересах собственной безопасности. В оккупированной Голландии содействие побегу в Англию каралось смертной казнью.

Таким образом, легенда Дронкерса с ее четырьмя значительными изъянами явно пахла стряпней герра Штрауха, и я поймал его на этом. Несмотря на энергичное заpiresательство с его стороны, я не сомневался, что передо мной шпион. Я очень тщательно осмотрел личные вещи Дронкерса, и в результате мне удалось обнаружить наколы под буквами в голландско-английском словаре, с помощью которых можно было прочесть адреса явочных квартир в Стокгольме и Лиссабоне. Дронкерс был приговорен к смертной казни и повешен в Вандсвортской тюрьме в канун 1942 года. Так из-за плохой легенды погиб способный немецкий шпион.

Сам Дронкерс ошибок не совершил. Это был непревзойденный актер, который до конца мастерски играл свою роль. Виноват был не он, а герр Штраух. Если бы Дронкерса снабдили правдоподобной, безупречной легендой, он никогда не возбудил бы подозрений.

Можно рассказать еще об одном случае, характеризующем герра Штрауха. Год спустя после Дронкерса на южном побережье Англии высадились двое молодых людей. Это были братья, бежавшие на лодке из Голландии. Они признались, что немцы считают их своими шпионами, причем шпионами они стали только потому, чтобы иметь возможность бежать в Англию и вступить в армию Свободной Голландии. После тщательной проверки выяснилось, что они говорили правду. Но когда на допросе мне стала известна их легенда, я заметил: «Можете не говорить, кто научил вас молоть весь этот вздор. Я и так знаю».

Братья были озадачены, а я продолжал: «Давайте сделаем так. Вот два листка бумаги, — я протянул им один листок, а другой оставил себе. — Пусть один из вас напишет фамилию этого человека, а я сделаю то же самое на своем листке. Затем мы сравним фамилии».

Не колеблясь ни секунды, я и один из братьев написали на листках каждый свое, а затем положили их рядом на столе, повернув написанным кверху. На обоих листках было написано: «Штраух».

Лица братьев, когда они взглянули на листки, выражали крайнее изумление. Они, наверно, подумали, что я всеведущ. Но, конечно, дело было не в этом. На допросах мне слишком часто приходилось сталкиваться с фирменной маркой герра Штрауха, и

на этот раз я не мог не обратить внимания на характерную особенность его стиля.

Я бы мог привести бесчисленное множество примеров, но боюсь наскучить читателю. Все они подтверждают, что контрразведчик часто узнает тех, кто работает против него на стороне противника. Я не знаю, жив герр Штраух или нет, но если жив и случайно прочтет эту книгу, пусть примет мою сердечную благодарность за то, что во время войны здорово помогал мне в работе. Следователь-контрразведчик обычно начинает подозревать человека только после допроса. За время моей долголетней работы мне пришлось столкнуться только с одним исключением из этого правила, причем дело это оказалось одним из самых запутанных, но самых интересных в моей практике.

Много лет подряд, еще до встречи с этим человеком, я следил за каждым его шагом, внимательно изучал его привычки и вообще знал о нем решительно все через знакомых. Мне даже казалось, что, войди я в комнату, полную незнакомцев, среди которых находится он, я безошибочно узнаю его. Расскажу, как все это произошло.

В начале 1942 года от побережья Голландии отчалила лодка с беженцами. В пяти милях от берегов Англии ее задержал английский военный корабль и, взяв на буксир, привел в порт. Экипаж состоял из четырнадцати молодых голландцев. Одни из них были уроженцами тогдашней Голландской Ост-Индии, другие раньше жили там. По заведенному порядку для проверки их направили в Королевскую викторианскую патриотическую школу. Всех беженцев допрашивали по отдельности, и я без колебаний заявил, что они — настоящие беженцы, у которых была одна цель — бежать из оккупированной Голландии и работать с теми, кто вел активную борьбу.

Естественно, прежде всего их спросили, как им удалось совершить побег. Все показали одно и то же. Оказалось, что побег организовал молодой человек по имени Пульхоф, который был полуголландцем, полумалайцем, то есть метисом.

В Голландии нет расовой дискриминации, и многие дети от смешанного брака часто уезжали из Голландской Ост-Индии учиться в различные университеты Голландии. Когда в 1940 году немцы оккупировали Голландию, Пульхоф, по словам его друзей, был студентом университета. Друзья его, тоже студенты, были, как и он, либо метисами, либо голландцами, но родившимися в Ост-Индии.

Немцам была нужна образованная молодежь для работы в органах гражданской администрации Голландии. Пульхофу предложили канцелярскую работу в департаменте

продовольственного снабжения. И хотя ему только что исполнился двадцать один год, он, проработав всего восемнадцать месяцев, из скромного клерка вырос в заместителя начальника департамента. В подчинении у него было семьдесят два человека, многие из которых годились ему в отцы. Или он действительно был очень способным, или... в голове у меня промелькнула смутная догадка, заставившая насторожиться. Когда один из друзей Пульхофа, близко знавший его еще в Ост-Индии, рассказал мне, что в возрасте всего лишь семнадцати лет Пульхоф блестяще сдал экзамены по юриспруденции (то есть получил право на самостоятельную юридическую практику в Ост-Индии), уважение мое к его способностям еще более возросло. Но когда тот же друг добавил, что в шестнадцать лет Пульхоф был одним из руководителей молодежного национал-социалистского движения в Ост-Индии, мое высокое мнение о нем изменилось. Это движение, как и молодежное нацистское движение в Германии, находилось под тайным покровительством немецких фашистов. Теперь уже смутная догадка, насторожившая меня в первый момент, переросла в тревогу.

Сопоставив показания всех четырнадцати беженцев, я получил полное представление о том, каким путем Пульхоф организовал этот побег. Он проделал это с непревзойденным хладнокровием. Сначала он достал парусную лодку с мотором, а затем, пользуясь своим положением, достал продукты, горючее и прочие необходимые вещи. Дерзко, среди бела дня, он по одному перевез всех голландцев на лодку в служебном автомобиле департамента продовольственного снабжения, даже не считая нужным окружать это тайной! Причем это был не закрытый автомобиль, в котором человек может сесть так, что его не будет видно, а открытая машина спортивного типа. Всякий, кому не лень, мог разглядывать пассажиров сколько душе угодно. Либо Пульхоф отличался безрассудной храбростью, либо не боялся, что немцы могут разоблачить его, так как они сами потворствовали ему.

Такой откровенный цинизм требует пояснений. За время работы в контрразведке мне не раз приходилось убеждаться в том, что целесообразнее предполагать в отношении подозреваемого самое плохое, пока не удастся доказать лучшее. Правда, читатель может возразить, что Пульхоф ведь даже не относился к числу подозреваемых. Это был просто смелый юноша, который всего лишь согласился работать у немцев, чтобы иметь возможность помогать друзьям бежать из оккупированной Голландии. Доказательством этому служит тот факт, что четырнадцать голландцев не только благополучно добрались до

Англии, но и оказались настоящими патриотами. Однако контрразведчик не всегда воспринимает вещи такими, какими они кажутся на первый взгляд. Пульхоф мог искренне содействовать побегу, но ведь могло быть и иначе. Если он был в сговоре с немцами, — а имелись основания предполагать это, ведь до войны Пульхоф сочувствовал нацистскому движению, — он, стремясь с самого начала завоевать доверие, конечно, постарался бы подобрать в первую группу беженцев таких голландцев, порядочность которых было легко доказать. Позднее вместе с беженцами он мог посадить в лодку предателя или шпиона. Я решил внимательно присмотреться к последующей деятельности Пульхофа.

II

Через три месяца, в начале весны 1942 года, в Англию прибыла вторая снаряженная Пульхофом лодка. В ней было двенадцать человек, и опять одни мужчины: два метиса, два летчика из состава бывших военно-воздушных сил Голландии, а остальные — студенты университетов. Их также допрашивали по отдельности, и, рассказывая о побеге, они слово в слово повторяли то, что мы уже слышали от беженцев первой группы. И на этот раз Пульхоф сам разработал план побега, достал лодку, продукты и с наименьшей дерзостью поодиночке перевез беженцев на лодку в открытой машине. Все двенадцать человек были подвергнуты тщательной проверке, но и они оказались настоящими беженцами. Короче говоря, с лета 1942 года и до марта 1944 года в Англию прибыло еще четыре лодки, снаряженные Пульхофом. На всех шести лодках прибыло восемьдесят семь беженцев-мужчин. На допросах все они дали одинаковые показания и, что самое странное, если Пульхоф действительно был в сговоре с немцами, при проверке оказались настоящими голландскими патриотами.

К этому времени по просьбе голландского правительства в Лондоне меня сняли с должности главного следователя Королевской викторианской патриотической школы и перевели в штаб голландской контрразведки. Но, поскольку речь шла о моем соотечественнике и дело было исключительно интересным, я продолжал заниматься им. При дальнейшем изучении дела обратили на себя внимание два противоречивых обстоятельства. С одной стороны, если Пульхоф действительно был в сговоре с немцами, тогда почему он в течение двух с лишним лет устраивал побеги своих соотечественников, но ни разу не заслал

вместе с ними шпиона или предателя? Если он собирался втереться в доверие только для того, чтобы забросить вместе с группой беженцев шпиона, то при таких темпах он ничего не успел бы предпринять до конца войны.

Но, с другой стороны, если Пульхофу с такой легкостью удалось безнаказанно переправить из Голландии стольких людей, тогда почему он, как честный голландец, ни разу не помог уехать в Англию какому-нибудь видному деятелю? Ведь он знал, что некоторым руководящим работникам было необходимо срочно попасть в Лондон. Так, многих руководителей Движения сопротивления нужно было познакомить с задачами, которые им предстояло решать с началом освобождения Голландии. Были и такие политические деятели, которым долгие оставаться в Голландии не имело никакого смысла. Но они принесли бы большую пользу, если бы им удалось выбраться оттуда. Наконец, в Голландии приходилось скрываться нескольким видным общественным деятелям, которых преследовали за открытые антинемецкие высказывания или просто за то, что они были евреями. Если бы они попали в лапы гестаповцев, им грозила бы либо смертная казнь, либо заключение в концентрационный лагерь. Следовательно, во имя простой гуманности их нужно было спасти.

Однако, вместо того чтобы снаряжать лодки именно для таких беженцев, Пульхоф помогал бежать своим друзьям и знакомым, которые, хотя и были настоящими патриотами, в других отношениях никакой ценности не представляли. Единственным исключением был голландский юрист, который довольно быстро стал министром голландского правительства в Лондоне. Но даже он по своей роли не мог сравниться с деятелями указанных выше категорий.

Странно, что из всех восьмидесяти семи беженцев только этот юрист был хорошего мнения о Пульхофе. Казалось бы, Пульхоф мог ждать только благодарности от людей, которым он помог бежать, однако на самом деле все беженцы, за исключением юриста, питали к нему неприязнь. На допросах многие из них показали, что Пульхоф человек тщеславный и властолюбивый. Кое-кто даже считал его деспотом за диктаторский тон, которым он отдавал приказания, снаряжая лодки. Беженцам не нравилось, например, что он шел на никому не нужный риск, когда возил их по Роттердаму в открытой служебной машине. И, наконец, — как это ни странно было слышать от людей, обязанных Пульхофу своей свободой, — некоторые беженцы заявили, что не доверяют ему.

Желая отдать дань справедливости, я пытался оправдать

властолюбие Пульхофа его происхождением. У многих метисов глубоко в душу западает чувство собственной неполноценности. Пытаясь подавить его, они ударяются в другую крайность — стараются казаться самонадеянными, агрессивно настроенными. И вполне понятно, что даже людям, которые хорошо знали Пульхофа, он мог казаться надменным: ведь Пульхоф знал, что он один отвечает за безопасность беженцев. Однако он слишком уж щеголял тем, что не боится немцев, и признаюсь, это смущало меня. Во время войны очень многое зависит от того, удастся ли сохранить тайну, особенно когда дело касается организации побегов, и ни один умный человек без надобности не станет рисковать. Все считали, что Пульхоф человек умный. Тогда почему же он так рисовался? И почему многие из тех, кому он помогал, не доверяли ему? Я должен был найти исчерпывающие ответы на эти вопросы.

Как я уже сказал, сложная натура Пульхофа и его запутанное дело давно начали интриговать меня. От беженцев, попавших в Англию весной 1944 года, я узнал что на очередной лодке прибудет сам Пульхоф. По их словам, Пульхоф стремился попасть в Англию, чтобы самому связаться с английской разведкой, а затем снова намеревался возвратиться в Голландию и в одиночку продолжать борьбу с немцами. От них я узнал также что, кроме шести благополучно прибывших лодок, из Голландии отправились еще две, но, попав в затруднительное положение, они вынуждены были вернуться обратно.

Обстоятельства, связанные с безуспешной попыткой первой из двух указанных лодок добраться до Англии, были довольно странными. Снабдив эту седьмую по счету лодку продовольствием, Пульхоф собирался отправить ее со спокойного участка побережья Голландии между Схевенингеном и Хук-ван-Холландом. Была тихая ночь. И казалось, что эта лодка, как и предыдущая спокойно, без особых приключений дойдет до Англии! Но только она отплыла от берега, начал пошаливать мотор. Потом он испортился совсем, и отчаявшийся экипаж все свои надежды возложил на довольно примитивный парус. Однако вскоре с желавшими бежать приключилась новая беда. Поднялся сильный ветер, и несмотря на все их старания, лодку стало относить обратно к берегам Голландии. Море разбушевалось, и лодка бешено понеслась по ветру. Люди уже больше не помышляли о том, чтобы бежать в Англию. Они только всеми силами старались избежать гибели в морской пучине, пусть даже ценой расстрела, окажись они в руках немцев.

На следующее утро выяснилось, что по воле злого рока лодку несет прямо в гавань Хук-ван-Холланд. Что оставалось делать

неудачливым беженцам? Самые злейшие враги не могли бы подобрать менее подходящего места для высадки. Потрепанная бурей лодка с явно гражданским экипажем, среди бела дня прибывшая в бойкую гавань, которая кишела немецкими чиновниками и солдатами, не могла не привлечь к себе внимания. В безмолвном отчаянии беженцы ввели лодку в гавань, пришвартовали ее и сошли на берег, ожидая, что их сразу же арестуют. Но ничего подобного не произошло. Не веря, что все кончилось благополучно, они стали быстро расходиться по домам, боясь услышать окрик часового или щелчок ружейного затвора. Но никто не обратил на них ни малейшего внимания, словно это была компания, в мирное время возвратившаяся с прогулки по морю, а не группа беженцев, попавшая в самый бойкий и хорошо охраняемый порт на побережье оккупированной Европы. Впоследствии, поодиночке допрашивая беженцев, рассказавших мне обо всем этом, я узнал, что гестапо и в дальнейшем не тронуло ни одного из участников этого неудавшегося побега.

В чем же крылась причина столь странного поведения немцев? Не могли же они в самом деле оказаться настолько беспечными, чтобы пренебречь элементарнейшими мерами предосторожности? Очевидно, Пульхоф и впрямь действовал заодно с немцами и снарядил лодку с их ведома. Арест беженцев мог осложнить сотрудничество Пульхофа с немцами, и, чтобы избежать этого, они предпочли ничего не видеть.

Еще больше я утвердился в своем мнении, когда мне рассказали подробности второй неудачной попытки бежать. Через два месяца, ничуть не смутившись провалом седьмой лодки, Пульхоф организовал следующий побег. На этот раз лодка должна была отплыть от побережья Северной Голландии. Снова что-то случилось, и лодку прибило обратно к берегу почти в том же месте, откуда она отправилась. Однако на этот раз беженцам не удалось безнаказанно скрыться. Немецкая охрана проявила достаточную бдительность, и их арестовали сразу же, как только они сошли на берег. На допросе некоторых из них пытали. Один беженец не вынес пыток и рассказал, как был организован побег. Гестаповцам удалось вынудить несчастного назвать даже фамилию организатора побега и его домашний адрес.

При всех недостатках немцев их нельзя назвать бездеятельными. И казалось бы, они должны были немедленно арестовать Пульхофа. Им бы доставило дьявольское удовольствие насмерть замучить человека, перехитрившего их. Но не тут-то было. Они не только не зашли за ним по указанному адресу, но и не пытались навести чисто формальных справок. Пульхоф

продолжал спокойно заниматься своими делами, будто ничего не случилось.

Обстоятельства, связанные с первой неудачной попыткой бежать, говорили об одном: Пульхоф был в сговоре с немцами и обе попытки бежать организовал с их ведома. Однако во втором случае им для виду пришлось арестовать и допросить неудачливых беженцев, но как только речь зашла о Пульхофе, они вынуждены были прекратить следствие. По-видимому, они очень дорожили им, если позволяли безнаказанно, несмотря на явные улики, открыто срывать их мероприятия по обеспечению безопасности.

После всего этого мне еще больше захотелось встретиться с Пульхофом. Интересно, удастся ли ему увильнуть от некоторых вопросов, которыми я собирался сразить его. Зная, что при более или менее благоприятных обстоятельствах мне вскоре придется столкнуться с этим странным человеком, я решил запастись терпением и ждать.

III

В конце весны 1944 года от берегов Голландии ночью отошла небольшая лодка с беженцами. Она взяла курс на запад. Утром неподалеку от берегов Англии ее задержал английский катер береговой охраны и отвел в гавань. Беженцев, среди которых находился и Пульхоф, высадили на берег. Их накормили и, дав отдохнуть, направили в Королевскую викторианскую патриотическую школу в Вандсворте. Там Пульхофа и его товарищей должны были тщательно проверить представители английской контрразведки. Особо строгому допросу подвергся Пульхоф, которым занимались десять — двенадцать дней, то есть значительно дольше обычного. Проверка закончилась, и его согласно установленной процедуре, о которой я уже рассказывал в предыдущей главе в связи с делом Тер Хита, направили в штаб голландской службы безопасности на площади Итон Сквер. Теперь дело официально перешло ко мне.

Прежде чем продолжать дальше, мне хотелось бы со всей серьезностью заявить, что ни один из фактов, которые я намерен привести, не имеет целью показать в неблагоприятном свете методы работы пятого отдела английского управления военной разведки. Мне довелось в течение многих лет работать с этими людьми, мастерами своего дела, поэтому к методам их работы, равно как и к достигнутым результатам, я могу питать лишь чувство глубочайшего уважения. Но когда речь шла о моих

соотечественниках, у меня было два преимущества. Голландец чувствует себя свободнее, когда говорит с голландцем, а не с англичанином. То же самое можно сказать об англичанах. После всего пережитого во время побега беженец, оказавшись в незнакомой стране, естественно, насторожен и, пожалуй, даже относится с предубеждением к принятым у чужеземцев методам допроса. Он ответит на все вопросы, но вряд ли добровольно даст сведения, выходящие за рамки поставленных вопросов. Когда же перед ним соотечественник, сдержанность его исчезает. Родная речь, привычное произношение, те особые словечки, которые можно услышать только от соотечественника, помогают ему перейти на более непринужденный тон.

Я всегда старался немедленно сообщать пятому отделу управления военной разведки обо всех интересных случаях. Точно так же поступали мои друзья из пятого отдела. О странных обстоятельствах двух неудачных попыток к бегству я узнал от беженцев за месяц до прибытия Пульхофа. Но его прибытие мне стало известно лишь после того, как он успешно прошел проверку в пятом отделе. Естественно, сообщать моим английским коллегам данные, которыми я располагал, было уже поздно. Поэтому вполне вероятно, что английские контрразведчики ничего не знали ни о самих неудачных попытках, ни о странных обстоятельствах, связанных с ними. Зная все это, они отнеслись бы к Пульхофу с удвоенной подозрительностью. Но поскольку пятый отдел не располагал такими важными данными, его нельзя обвинять в том, что Пульхоф успешно прошел проверку.

Впервые Пульхоф появился у меня в кабинете в яркий солнечный день ранней весной 1944 года, всего за несколько недель до высадки союзных войск во Франции. Итак, в мои руки попало второе по трудности дело за время моей службы в контрразведке. (Самым трудным было дело Луизы, о котором я расскажу в одной из последующих глав.)

По внешнему виду это был типичный метис. Иссиня-черные с блестящим отливом волосы, темные глаза, желтоватая кожа говорили о его малайском происхождении по материнской линии. От отца он унаследовал европейские черты лица. Пульхоф был худощав, среднего роста, со стройными ногами и небольшими красивыми руками. Крепкие, ослепительно белые зубы выдавали в нем туземца. Еще до встречи с ним, основываясь на некоторых данных, я мог судить, что человек он очень умный. Однако лицо его, взгляд выражали столько живого ума, что я не мог не изумиться; стоило мне послушать его каких-нибудь пять минут, и я понял, что не встречал на своем пути молодого человека умнее его. Знакомые Пульхофа были правы: за манерой

держат себя, за манерой говорить резким, отрывистым голосом скрывалось высокомерие, однако под маской высокомерия мне удалось разглядеть что-то мальчишеское и, как это ни странно, даже привлекательное. «Опасный, но очень приятный человек», — подумал я.

Допрос тянулся восемь полных рабочих дней — с девяти утра до шести вечера. Я задавал Пульхофу самые различные вопросы о его служебной карьере, заставляя иногда по несколько раз повторять одно и то же. Пока я не старался уличить его во лжи или выяснить мотивы некоторых его поступков, а просто хотел запомнить все подробности. Мне хотелось также проверить, не допустит ли он оплошности при повторении.

Большинство допрашиваемых допускают подобного рода обмолвки. Пульхоф же не обмолвился ни разу.

Выведав у Пульхофа все, что он мог и хотел сказать, я целых два дня сопоставлял и анализировал факты. Затем я снова вызвал его к себе. Пульхоф вошел и, приветливо улыбнувшись, сел за стол против меня. Лицо его было непроницаемым. Чувствовал он себя свободно. И только блеск глаз выдавал известную настороженность.

— Господин Пульхоф, — обратился я к нему, — я подробно изучил ваши показания. В основном мне все ясно. Но несколько моментов, точнее говоря девять, остаются для меня необъяснимыми. Поэтому я хочу задать вам сейчас эти девять вопросов и, надеюсь, вы ответите на их.

— Конечно, — сказал он и в знак согласия кивнул.

— Всего несколько лет назад вы были одним из вожаков, а может быть, даже главарем молодежного национал-социалистского движения в Ост-Индии. Тем не менее вы утверждаете, что всегда были и остаетесь истинным патриотом Голландии. Как вы объясните это противоречие?

— Очень просто, — ответил он с улыбкой. — Тогда я был мальчишкой, и мне казалось, что это чисто национальное движение, и каждый порядочный юноша считал своим долгом быть его участником. Не забывайте, что так думали тысячи порядочных голландцев. Позже они, правда, поняли свою ошибку. Потом у меня стали возникать кое-какие сомнения, а когда немцы оккупировали Голландию, я понял, что это за свиньи. В свое время с помощью громких фраз и щедрых посулов им удалось обмануть меня, но это только усилило мою ненависть к ним. Отчасти именно поэтому я решил заняться организацией побегов — мне хотелось отомстить им за то, что они так подло обманули меня.

Ответ был разумный и звучал вполне правдоподобно.

Коварная немецкая пропаганда действительно могла ввести в заблуждение многих честных голландцев. Молодежные национал-социалистские организации казались им чем-то вроде прославленных организаций бойскаутов: члены организаций носили форму, при встрече отдавали друг другу честь, выезжали в лагерь. Подлинные, зловещие цели этого движения от молодежи скрывали.

— Хорошо, — продолжал я, — теперь второй вопрос. Вы еще очень молоды. Выражаясь языком немцев, вы даже не ариец. Однако стоило вам поступить на работу в продовольственный департамент в Роттердаме, и вас за какие-нибудь восемнадцать месяцев сделали заместителем начальника. Ведь у вас в подчинении были десятки людей, многие из которых годились вам в отцы. Чем вы объясните такое повышение?

Без колебаний он сразу же ответил:

— И это объясняется очень просто. Прежде всего скажу, не хвалясь, у меня есть кое-какие способности к административной работе. Кроме того, работал я очень усердно и действительно во многом навел порядок. Трудно даже представить себе, какая неразбериха царила в продовольственном департаменте, когда его организовали. Но я, конечно, понимаю, что мне бы никогда так быстро не добиться столь высокого поста, если бы не начальник департамента господин Л. Это замечательный человек, который все время в меру своих возможностей старался обманывать немцев, помогая своему народу. Он знал, что я не меньше его ненавижу немцев. Ему также было известно об организованных мною побегах. Он даже сам неоднократно помогал мне организовывать их. Господин Л. назначил меня на эту должность, так как знал, что, обладая властью, мне будет намного легче помогать беженцам.

И на этот раз ответ его был разумным и убедительным. Судя по некоторым данным из официальных источников, о господине Л. он сказал правду. Господин Л. действительно был пламенным патриотом своей родины и согласился принять пост начальника продовольственного департамента только потому, что хотел помогать своему народу. Пульхоф был очень умным человеком и никогда не стал бы рассказывать о своей дружбе с этим человеком, не имея на то оснований; он ведь знал, что позднее я смогу проверить правильность его показаний, связавшись с господином Л.

— Хорошо, допустим, что это так, — заметил я. — Теперь перейдем к третьему вопросу. С вашей помощью бежало восемьдесят семь человек. Когда людям спасают жизнь, можно ожидать, что они будут испытывать только чувство благодарности

к своему спасителю. Однако многие из тех, кого спасли вы, сказали мне, что питают к вам неприязнь. Более того, они относятся к вам с подозрением и сомневаются в искренности побуждений, заставивших вас помогать им. Чем это можно объяснить?

Он снова улыбнулся, но на этот раз печально.

— Мне казалось, что, хорошо зная людей — а вам это необходимо, — вы сами могли бы ответить на этот вопрос. Разве людям не свойственно питать неприязнь к тем, кому они чем-то обязаны? Кроме того, характер у меня резкий, и поэтому многим я кажусь высокомерным. Я знаю это, но ничего не могу с собой поделать. Люди, которые кому-то обязаны, болезненно реагируют на подобные вещи, и в результате рождается все растущая неприязнь. Лично меня больше удивило бы, если бы люди, которым я помогал, питали ко мне чувство благодарности.

Пульхоф ловко уклонился от сути моего вопроса, однако я не мог не признать, что и на этот раз ответ его был логичным. Поговорка «сделай добро — и потеряешь друга», может быть, и цинична, но верна. Я решил перейти к следующему вопросу.

— Что же, пока будем считать, что ответили на мой третий вопрос, — сказал я. — Теперь четвертый вопрос. Вы умнее многих средних людей и прекрасно понимаете, что, помогая беженцам, вы шли на большой риск. Зачем же вам понадобилось излишне рисковать, разъезжая по Роттердаму в открытой машине с людьми, которых вы собирались отправить в Англию? Да еще в немецкой служебной машине!

Его ничуть не смутил этот вопрос.

— Неужели вы думаете, что риск был так велик? Я всегда считал, что, чем смелее действует человек в оккупированной стране, тем меньше опасность навлечь на себя подозрение. Вы, наверно, помните известный рассказ Эдгара По «Похищенное письмо»? Ведь где только сыщики не искали это драгоценное письмо! Они перевернули все вверх дном, обыскали все самые укромные уголки, а письмо лежало у них под самым носом. Но им и в голову не пришло искать его в этом месте! По этому же принципу действовал и я. Немцы не могли и подумать, что я среди бела дня в открытой служебной машине стану перевозить беженцев! Кроме того, здесь были и соображения чисто психологического порядка: мне доставляло огромное удовольствие мстить немцам, оставляя их в дураках и увозя у них из-под носа беженцев.

У меня появилось ощущение, словно я пытаюсь поймать угря голыми руками. И на этот раз мой вопрос не застал Пульхофа врасплох. Ответ был логичным и обоснованным. Не было

никакого смысла добиваться каких-то других объяснений, и я перешел к следующему вопросу.

По поводу пятого вопроса мне хотелось бы сделать несколько замечаний. На допросе как в Королевской школе, так и у меня Пульхоф с самого начала заявил, будто приехал в Англию с единственной целью — получить от голландского правительства в Лондоне указания относительно того, в каком направлении следовало развивать деятельность подпольных организаций Голландии. Затем его должны были снова забросить в Голландию, где он стал бы руководить этими организациями.

Любого беженца, выразившего горячее желание вернуться из Англии обратно в свою страну, немедленно брали под подозрение. Он, конечно, мог оказаться честным человеком, стремившимся вернуться на родину, чтобы активно помогать союзникам. Но ведь могло случиться и так, что это был замаскировавшийся немецкий шпион, который ставил себе целью пролезть в какую-нибудь тайную голландскую или английскую организацию, выведать важнейшие секреты и фамилии ее членов, а затем как можно быстрее вернуться обратно и передать добытые сведения своим немецким хозяевам. Такие сведения представляли для немцев большую ценность, если попадали к ним своевременно, поэтому человек, спешивший вернуться на родину, считался подозрительным лицом до тех пор, пока следствие не выясняло его подлинных намерений. Что же касается Пульхофа, то причин подозревать его было много, тем более что вплоть до своего внезапного исчезновения он занимал у немцев важный пост.

Поэтому я спросил его:

— Теперь посмотрим, как вы ответите на пятый вопрос. Вы хотите вернуться в Голландию, чтобы развернуть там еще более активную деятельность в пользу союзников. Так ведь?

Он утвердительно кивнул.

— Если вашу просьбу удовлетворят, вам все равно придется пробыть в Англии месяца три, пока вы будете учиться прыгать с парашютом, стрелять и, конечно, получать указания относительно вашей дальнейшей деятельности. Затем вас забросят в Голландию. Но стоит вам появиться на улицах Роттердама, вас при вашей необычной внешности сразу же узнают. Немцы прежде всего поинтересуются, почему вы вдруг исчезли на целых три месяца, а затем таинственно появились. Подумали ли вы о том, что вам будет довольно трудно выпутаться из подобного положения?

— Не так уж трудно, — ответил Пульхоф. — Во-первых, насколько мне известно, агентов забрасывают ночью? — Я кивнул

в знак согласия. — В таком случае у меня будет достаточно времени, чтобы до рассвета добраться до дома одного из членов моей организации — к человеку, на которого я могу положиться. У меня есть помощники. Это люди надежные, смелые и инициативные. Они-то и будут выполнять указания англичан, я же стану руководить их деятельностью из своего убежища. У меня уже есть некоторый опыт, и я могу руководить подобного рода работой, нигде не появляясь. Вас удовлетворил мой ответ?

Я промолчал, хотя понимал, что ответ был вразумительным. Спешить с отъездом в Голландию Пульхоф мог как по этой, так и по какой-нибудь другой причине, однако для суда его объяснение оказалось бы вполне достаточным. Пусть читатель не забывает, что я должен был установить виновность или невиновность Пульхофа не ради любопытства: окажись он виновным, мой долг — получить доказательства, которые смогли бы убедить суд. Но ни того, ни другого пока мне сделать не удалось. Правда, самые сильные козыри я берег для конца игры, и теперь настала пора идти одним из них.

— Хорошо, — сказал я, — Теперь снова вернемся к вашей деятельности. Вам удалось переправить в Англию восемьдесят семь человек. Все они честные голландские юноши. Но такой умный человек, как вы, не мог не понимать, что эти люди интересны только как пополнение для армии, отличное пополнение, но не больше. А ведь в Голландии много значительно более ценных людей — политических деятелей, руководителей Движения сопротивления и других, — которые куда нужнее англичанам. Почему вы не переправляли этих людей?

Пульхоф призадумался.

— Вопрос трудный, но и на него можно ответить. Прежде всего лично я не считаю, что политические деятели представляют большую ценность. Вы сами признали, что я посылал отличное пополнение для армии. А ведь во время войны прежде всего требуются хорошие бойцы. Политики произносят громкие речи и плетут хитрые интриги, но разве, лишённые возможности управлять, они представляют собой большую ценность в изгнании? Признаюсь, я отдавал предпочтение людям моего возраста и моего образа мыслей, хотя, оказавшись в Англии, они, по-видимому, решили, что я не достоин их дружбы. — Он печально усмехнулся, очевидно, вспомнив мои слова о том, что люди, которым он помог бежать, питают к нему неприязнь, не доверяют ему. — Но можно ли винить меня за то, что я предпочитал помогать своим сверстникам и таким же, как я, метисам? Есть еще одно важное обстоятельство. Мне

сравнительно долго удавалось успешно организовывать побег, и объясняется это отчасти тем, что я без надобности не рисковал. Я уже объяснил, почему возил беженцев по Роттердаму в служебной машине. Если не считать этой бравады, которая имела свои причины, я всегда старался делать все так, чтобы отправка беженцев производилась без всякого шума и не привлекала к себе излишнего внимания. И если бы я попытался помочь известным людям, о которых вы упомянули, то любой немецкий полицейский тотчас же напал бы на мой след. Естественно, это вызвало бы сенсацию. Шутка ли оказать, увезти из-под носа немцев важную фигуру! Это наверняка поставило бы под угрозу дальнейшую переправку беженцев.

В какой-то степени немцев можно считать дураками, но они очень упрямы и не сразу отказываются от своих планов. Они не успокоились бы, пока не раскрыли бы всю организацию. Вот причины, по которым я действовал именно так.

Я невольно стал восхищаться Пульхофом. На каждый мой вопрос он незамедлительно давал разумный, и вполне удовлетворяющий меня ответ. Он не терялся и не пытался выиграть время для обдумывания ответа, прикидываясь медлительным или недостаточно умным, как это делают некоторые подозреваемые. Он был или честным человеком, или искусным лжецом, но с каждым его ответом я все больше верил ему. Однако я еще не пустил в ход свой самый крупный козырь.

— Пока все идет отлично, — сказал я. — Вы ответили на все мои вопросы. Теперь я хотел бы, чтобы вы ответили еще на один вопрос. Из показаний ваших товарищей, да и из ваших слов я понял, что ваше путешествие было не совсем обычным.

Вы покинули Голландию в небольшой парусной лодке, у которой был и мотор. Вы, как я понял, отплыли от устья реки Маас днем. И вашу лодку наверняка должен был заметить немецкий сторожевой катер, стоявший в устье реки. Катер дал вам сигнал, чтобы вы остановились и дождались проверки, но вы не обратили на этот сигнал никакого внимания и продолжали плыть.

Верно я говорю?

Пульхоф в знак согласия кивнул, а я кратко резюмировал:

— По всем правилам международного права сторожевой корабль должен был дать предупредительный выстрел и, если после этого вы не остановились, броситься за вами в погоню и потопить вас. Этот корабль имел скорость по меньшей мере вдвое большую, чем ваша лодка. Он был до зубов вооружен, и им управляли немцы, в то время как ваша лодка была, конечно, безоружной. Они в любое время могли подстрелить вас, как

сидящую на воде утку. Но, по вашим словам, сторожевой корабль позволил вам уйти. Он подал вам один предупреждающий сигнал, затем другой, а когда вы не подчинились ему, он вдруг потерял к вам интерес. Как вы объясните это? Немцы аккуратные люди, и они обычно не разрешают нарушать установленные ими правила. К тому же им определенно доставило бы удовольствие потопить это голландское суденышко, оставившее их с носом.

Пульхоф посмотрел мне в глаза, пожал плечами, улыбнулся своей приятной улыбкой и сказал:

— Я так же, как и вы, не могу объяснить этого. Я, конечно, понимаю, что вы думаете, и не могу осуждать вас за это, принимая во внимание действительно странные обстоятельства. Вы думаете, что побег был специально подстроен и что я заранее сговорился с немцами, и поэтому они позволили нам уплыть. Другими словами, вы считаете меня немецким агентом. Я понимаю, что это единственный логичный вывод, который вы можете сделать, но, хотя эта история и кажется неправдоподобной, все было именно так.

Счастливое стечение обстоятельств! Сторожевой корабль, очевидно, на этот раз имел нерасторопную команду. Клянусь, я не немецкий шпион и никогда им не был. Трудно найти объяснение всему этому. Я только еще раз могу повторить, что правда иногда необычнее вымысла.

Пульхоф повторил вслух мои мысли. Он не смутился, не потерял самообладания.

Он, конечно, понимал, что, вероятно, его жизнь и определенно его свобода зависели от того, сможет ли он дать удовлетворительный ответ на этот вопрос.

Теперь Пульхоф уже не держался так уверенно, как раньше, но по-прежнему невозмутимо смотрел мне в лицо. Оставив пока последний вопрос без ответа, я решил прибегнуть к другой уловке.

— Лодки, на которых вы отправляли людей, — благодатная тема для разговоров. Давайте поговорим о них. Мне известно, что примерно за шесть месяцев до вашего приезда в Англию одной из снаряженных вами лодок не удалось достичь места назначения. Кажется, она отправилась ночью из какого-то пункта голландского побережья между Схевенингеном и Хук-ван-Холландом. Мотор отказал, а на море дул сильный ветер. Море бушевало, а в лодке не оказалось опытных моряков. Лодку ветром пригнало обратно к побережью Голландии. И примерно около десяти часов утра, то есть когда уже было светло, пассажирам пришлось высадиться в Хук-ван-Холланде. Вообразите себе эту картину.

В гавани полно береговой охраны, портовых служащих, агентов немецкой полиции безопасности, таможенников и других лиц. И вдруг среди бела дня в гавани появляется поврежденная лодка, наполненная голландцами. Пристав к берегу, пассажиры быстро выгрузились и разошлись в разных направлениях, но никто не обратил на них внимания. Ни один человек не задал им ни одного вопроса, ни один немецкий полицейский не остановил их, а береговая охрана не сообщила о прибытии этой подозрительной лодки. В мирное время такое происшествие могло остаться незамеченным. Но в военное время и в оккупированной стране оно определено должно было вызвать сенсацию. Что вы скажете на все это?

Пульхоф некоторое время молчал. Потом он заговорил:

— Все это совершенно необъяснимо. Как вы уже сказали, пассажиров, как только они вступили на берег, должны были немедленно арестовать, но этого не случилось. Им повезло и в том отношении, что сторожевой катер оставил их в покое. Этот случай относится к таким, о которых можно сказать, что правда иногда необычнее вымысла.

— Всему этому может быть одно объяснение, — заметил я. — Вероятно, немцы заранее знали об отправке этой лодки. И их информировали вы. А когда лодка вернулась обратно, немцы, по-видимому, подумали, что пусть лучше пассажиры разойдутся; ведь как-никак они были вашими друзьями, а вы в свою очередь были другом немцев.

Пульхоф холодно улыбнулся.

— Это было бы возможно, если бы я был другом немцев. Но, как я уже вам сказал, я никогда не был и не буду другом этих свиней. Вы можете верить или не верить мне, но я говорю правду.

— Правда иногда необычнее вымысла, — прервал я его. — Я не раз слышал об этом. Ладно, оставим пока этот вопрос и перейдем к следующему. Можете радоваться: это последний вопрос, который я собираюсь задать вам. Поговорим еще о лодках. Они все сильнее интересуют меня.

Через два месяца после того как произошел случай, о котором мы только что говорили, вы снарядили другую лодку. Она отплыла от побережья Северной Голландии. Но, как и предыдущая, потерпела аварию, и ее прибило обратно почти туда, откуда она отправилась. Но на этот раз, едва пассажиры ступили на берег, их арестовали. Мне известно, что один из арестованных после длительного допроса, не выдержав пыток, рассказал всю правду об этом побеге. Он сообщил, что вы организатор этого побега, и даже сказал немцам ваш домашний адрес. Как вы знаете, гестаповцы немедленно арестовывают каждого, кто хоть в

малейшей степени вызывает у них подозрение. И если на кого-то указывают и все улики против него, то за его жизнь нельзя дать и ломаного гроша. Однако вы спокойно продолжали заниматься своими делами. Гестаповцы не только не арестовали вас, но и не удосужились вызвать вас для допроса. Почему, я вас спрашиваю?

Пульхоф по-прежнему оставался спокойным.

— Это еще один необъяснимый случай. Может быть, немцы рассчитывали, что я наведу их на след какого-нибудь важного лица, собиравшегося бежать из Голландии. Или они думали, что я не мог действовать в одиночку, и поэтому не трогали меня, надеясь со временем раскрыть всю организацию.

— Ваше объяснение не лишено логики. Но давайте рассуждать логично и дальше. Если немцы действительно следили за вами, то через несколько месяцев они могли заметить, что вы готовите побег новой партии, с которой хотите бежать и вы сами. Надо полагать, они не дали бы человеку, находящемуся у них на подозрении, выскользнуть из их рук. И они, конечно, арестовали бы вас до того, как вы попытались бежать. Однако вы здесь. Вывод можно сделать только один: немцы не держали вас под наблюдением.

Так я допрашивал Пульхофа несколько дней. Снова и снова возвращался я к этим трем необъяснимым вопросам. Необъяснимым, если только не прийти к заключению, что он был заодно с немцами, которые покрывали его. За все это время Пульхоф ни разу не потерял спокойствия.

Он сам не понимал, как ему удалось бежать, однако все время повторял, что никогда не был немецким агентом. Я решил прекратить эти бесплодные допросы и сказал Пульхофу, что в скором времени будет вынесено решение.

IV

Являясь начальником технического бюро иностранного отдела полиции при голландском правительстве в Лондоне, я был единственным человеком в этом отделе, который имел опыт работы в контрразведке. Следовательно, мое решение по любому расследуемому делу было окончательным и всегда утверждалось министром юстиции Голландии.

Таким образом, на мне лежала большая ответственность даже в том случае, когда было ясно, что подозреваемый не виновен, или, наоборот, когда он сам во всем сознавался. Эта ответственность возрастала, когда приходилось сталкиваться с запутанным делом. Мое слово было решающим. И я не хотел,

чтобы из-за моей ошибки пострадал невинный человек. Но я также не мог допустить, чтобы немецкий агент из-за моей оплошности продолжал работать на немцев.

Расследование дела Пульхофа стоило мне многих бессонных ночей. Из девяти вопросов, которые я задал ему, я получил удовлетворительные ответы только на шесть. На остальные три вопроса Пульхоф не смог дать сколько-нибудь удовлетворительных и логически обоснованных ответов. (Они не найдены и по сей день.) Казалось бы, вывод мог быть только один: Пульхоф — немецкий агент и только поэтому ему удалось избежать наказания. Но, если он был немецким агентом, немцы имели достаточно времени использовать его.

Прошло более двух лет с тех пор, как первая снаряженная Пульхофом лодка с беглецами достигла Англии. За ней пришло еще пять. На всех этих лодках до Англии добралось восемьдесят семь человек, не считая людей, прибывших на последней лодке вместе с Пульхофом. Немцы не предполагали, что война продлится до 1944 года, и, естественно, они должны были активизировать, работу организации Пульхофа значительно раньше. Однако у нас не было ни малейшего основания считать, что кто-либо из людей, связанных с ним, был немецким агентом. Мой опыт изучения методов немецкого шпионажа говорил мне, что вряд ли немцы были настолько дальновидными, чтобы терпеливо ждать более двух лет, прежде чем пустить машину в ход. Если Пульхоф являлся немецким агентом, немцы должны были знать, что наша контрразведка наверняка заинтересуется, почему ему удалось безнаказанно уехать в Англию, хотя было известно, что один из соучастников Пульхофа выдал его. Чтобы рассеять наши подозрения, гестаповцы по крайней мере должны были бы для виду арестовать Пульхофа или хотя бы допросить его. Они, вероятно, даже попытались бы инсценировать его «побег» так, чтобы по прибытии в Англию он выглядел вдвойне героем — человеком, который, рискуя жизнью, организовывал группы для побега из оккупированной Голландии и который с трудом вырвался из рук гестапо.

У меня на этот счет было свое особое «мнение». Опытные контрразведчики могут подтвердить, что после долгих лет работы в контрразведке у них развивается какое-то необъяснимое шестое чувство, которое нередко дает им возможность инстинктивно определять виновность или невинность подозреваемого. Нельзя, конечно, всецело полагаться на это чувство, но оно часто подсказывает пути решения очень сложных на первый взгляд проблем. Впоследствии к правильному решению можно прийти путем дедукции.

Именно благодаря этому шестому чувству мне удалось разоблачить Христиана Линдеманса, «арнемского предателя», что было для меня большой победой и одновременно большой трагедией. Сейчас я «чувствовал», что Пульхоф невиновен. И я сам не понимал, почему был убежден в этом, ведь Пульхоф не смог ответить на три вопроса. По-видимому, что-то в его поведении убедило меня в этом, может быть, даже его спокойствие. Как я уже говорил, Пульхоф был очень умным человеком. Он мог не только отвлеченно мыслить, но и действовать. И я не сомневался, что такой умный человек, если бы он действительно был немецким агентом, обязательно подготовил бы убедительные ответы на мои три вопроса. Ведь он знал бы, что любой опытный следователь рано или поздно нападет на эти слабые места в его показаниях, и поэтому заранее нашел бы убедительные ответы. Итак, неспособность Пульхофа дать удовлетворительные ответы на все мои вопросы помогла ему стать невинным в моих глазах. Однако в большинстве случаев именно неспособность подозреваемых ответить на все вопросы следователя помогла доказать их виновность.

После долгих раздумий я пришел к выводу, что Пульхоф невиновен.

Я написал министру юстиции длинный доклад, в котором описал этот случай со всех точек зрения и обобщил все «за» и «против». В заключение я указал, что убежден в невинности Пульхофа и поэтому считаю, что он должен быть освобожден. Однако я добавил, что, поскольку сейчас доказать невинность Пульхофа невозможно, а освободить его следует, ему до конца войны ни при каких обстоятельствах нельзя разрешать выезд из Англии. Я советовал использовать его на какой-нибудь административной должности при голландском правительстве в Лондоне, где он благодаря своим исключительным способностям, несомненно, будет полезен и где в то же время будет под постоянным наблюдением. Нет никакой необходимости ограничивать его свободу передвижения в Англии, но ни при каких обстоятельствах (я снова подчеркнул это) не следует разрешать ему покидать Англию, пока продолжается война.

Как я и предполагал, Пульхоф был освобожден и назначен на административную должность. Насколько мне известно, ему прямо ничего не сказали о запрещении выезда из Англии. Вначале я поддерживал с ним связь. Он был очень доволен своей новой работой. В это время был открыт второй фронт. Меня назначили начальником голландской контрразведывательной миссии при штабе верховного главнокомандующего, и вскоре я выехал на континент. Перед отъездом я просмотрел все

имевшиеся у меня дела, чтобы еще раз убедиться, что они закончены. Взяв дело Пульхофа, я бегло просмотрел все подшитые к нему документы и на последнем листе, где говорилось о его освобождении и назначении на работу, я провел длинную черту, показывая тем самым, что считаю дело законченным. Но я оказался плохим пророком.

V

В апреле 1945 года мой штаб располагался в голландском городе Бреда. Немцы были разбиты и отступали на восток. Только несколько фанатично настроенных нацистских командиров с жалкой горсткой войск продолжали оказывать сопротивление. Северо-восточные провинции Голландии после пятилетней оккупации были, наконец, освобождены. Немцы отступали так поспешно, что оставили в штабах много совершенно секретных документов. Правда, они старались уничтожить самые важные из них, но немцы — самый скрупулезный народ, и из-за этой скрупулезности их попытка не увенчалась успехом.

В немецких штабах было так много документов и копий с них, что для уничтожения их потребовалось бы много дней. Но немецкие штабные офицеры, если они хотели спасти свою шкуру, имели в своем распоряжении не дни, а минуты, так как танки и грузовики с пехотой союзников стремительно продвигались вперед.

В Эншеде до последнего дня располагался один из органов контрразведки, отдел безопасности 306, как называли его немцы. Мне, естественно, очень хотелось познакомиться с методами работы этого отдела и всеми теми материалами, которыми он располагал. Поэтому я приказал немедленно доставить мне все документы, найденные в этом штабе. И вскоре мой кабинет в Бреда буквально был завален бумагами. Вместе со своими помощниками я отбирал наиболее важные из них, но и таких документов оказалось слишком много. Чтение их заняло бы несколько недель. А времени у меня не было. В любую минуту я мог получить приказ отправиться на выполнение более важного задания. Поэтому я решил еще раз бегло просмотреть отобранные документы на случай, если мне придется прервать эту работу.

Это была увлекательная работа. Оказалось, немецкая контрразведка многое знала. Однажды на первой странице одного из документов, состоявшего из семи страниц, густо напечатанных на машинке, я увидел: «...Майор О. Пинто, кличка — Фрэнк Джексон...» Моя рука с папиросой, которую я собирался закурить,

застыла в воздухе. Любой человек поразится, неожиданно увидев свое имя напечатанным. Но увидеть свое имя в совершенно секретном документе немцев, да еще вместе с кличкой, которую знали только два пользующихся очень большим доверием английских агента!

Я начал внимательно читать этот документ с самого начала. «Показания и полное признание агента Бобби, сделанное им 22 марта 1945 года, настоящее имя — Антон Пульхоф...» Это был второй удар. Пульхоф, которому был запрещен выезд из Лондона до конца войны, каким-то образом попал в Голландию, был схвачен немцами и сделал «полное признание», в котором упомянул и мое имя. Документ становился крайне интересным.

Показания Пульхофа начинались с заявления, что летом 1944 года два представителя американской стратегической разведки установили с ним контакт и предложили поступить на службу в разведку. Он дал согласие, после чего прошел специальную подготовку в одной из американских разведывательных школ в Лондоне. Он изучал приемы самозащиты без оружия и прошел короткий курс обучения стрельбы из пистолета. Затем его направили в английскую парашютную школу, где научили прыгать с парашютом. Затем Пульхоф обучался на курсах радистов в американской школе в Лондоне. Когда он успешно закончил учебу, ему присвоили звание капитана американской армии. В показаниях говорилось, что он был первым голландцем, принятым на подобную службу. До этого в американскую стратегическую разведку на континенте зачислялись только французы, бельгийцы и американцы немецкого происхождения. Затем стратегическая разведка поручила Пульхофу создать шпионскую организацию в северной части Нидерландов. Он должен был установить контакт с наиболее надежными служащими в министерстве сельского хозяйства и рыболовства и начать вербовать агентов. Пульхофу запрещалось устанавливать связь с какой-либо группой Движения сопротивления или с английскими агентами, которых он мог обнаружить. (Американская стратегическая разведка и ее английский партнер соперничали даже в разгар войны, и каждая из них стремилась урвать побольше «куш» в области получения секретной информации, вместо того чтобы объединить усилия в интересах дела.) Пульхофу строго запретили участвовать в актах саботажа или в каких-либо активных действиях против немцев. Он должен был собирать самые различные сведения: о численности немецких войск и местах их расположения, о результатах налетов американских дневных бомбардировщиков и о настроениях немцев. Всю добытую Пульхофом информацию предполагалось

переправлять в штаб в Лондоне. Через четыре — пять месяцев Пульхоф, перейдя линию фронта, должен был снова вернуться в освобожденную союзниками южную часть Голландии.

10 ноября 1944 года Пульхоф был сброшен с парашютом в районе Гронингена. Он немедленно приступил к работе — начал создавать агентурную сеть. Вначале все шло гладко. Но через три месяца — 10 февраля 1945 года — немецкая полиция по доносу одного из предателей совершила неожиданный налет на одну из секретных явок. Среди арестованных был и Пульхоф. Несколько недель пробыл он под арестом, пока, наконец, его не допросил начальник гестапо в оккупированной Голландии. 22 марта 1945 года этот начальник послал «показания и полное признание» Пульхофа майору Фельдману — начальнику отдела безопасности 306 в Эншеде. Именно этот документ я и читал.

На допросе Пульхоф подробно рассказал о методах проверки контрразведкой всех прибывающих в Англию, не забыв указать и на мою роль в этом деле. Далее шло детальное описание американской службы стратегической разведки и условные клички офицеров, с которыми Пульхофу приходилось встречаться. Рассказывалось и о подготовке, которую прошел Пульхоф, и о тех указаниях и инструкциях, которые он получил, перед тем как отправиться на выполнение задания. Затем описывалась организация голландской секретной службы как в Англии, так и в освобожденной части Голландии. (Здесь снова упоминалось мое имя и моя кличка — Фрэнк Джэксон.) Пульхоф дал им также массу сведений, касающихся других сфер деятельности разведки. Он подробно рассказал об организации английской секретной службы. В показаниях содержались сведения о судьбе абсолютно неповрежденной немецкой управляемой торпеды, которую захватили союзники во время высадки в Нормандии, приводились некоторые сведения об английской авиации. В заключение излагались некоторые взгляды на возможность новых высадок войск союзников в Северной Голландии.

Прочитав последнюю страницу этого документа, я почувствовал, что в горле у меня пересохло. Эти проклятые показания, которые лежали передо мной, говорили о том, что Пульхоф предал свою родину. Пульхофу, которому я сам дал свободу, удалось обмануть меня, и, не скрою, это было сильным ударом по моему самолюбию. Больше всего меня возмущало то, что ему разрешили поступить на службу в УСС (управление стратегических служб). Пульхофу с его способностями и хорошо подвешенным языком удалось вывести ряд секретов, которые он быстро передал своим немецким хозяевам. В документе, который

я прочел, указывалось, что все сведения Пульхоф сообщил добровольно, что его не пытали. В этот момент я готов был отдать все, что имел, за то, чтобы этот красноречивый улыбающийся человек попал в мои руки. Но в этот момент я подумал, что ему, вероятно, удалось скрыться вместе со своими немецкими хозяевами. И если даже он был где-то здесь, найти его в этом хаосе, когда отступали армии и когда тысячи беженцев тянулись вслед за немцами, было почти невозможно. Казалось, мне никогда не удастся поймать Пульхофа. Но и на этот раз я оказался плохим пророком.

VI

К началу мая 1945 года вся Северная Голландия была освобождена союзниками. Все лица, содержащиеся в немецких тюрьмах, подвергались быстрой проверке, после чего их освобождали и репатриировали. И я принимал участие в этой работе, хотя она была сущей формальностью: подавляющее большинство заключенных оказались бойцами Движения сопротивления или агентами союзников, которым каким-то чудом удалось уцелеть. И все же эту работу надо было проделать, чтобы не дать скрыться ни одному немецкому агенту и чтобы отделить местных коллаборационистов, которых немцы арестовали для виду, рассчитывая позднее подвергнуть их более тщательному допросу. И вот среди этих собранных для проверки бывших заключенных оказался Пульхоф. Я несколько секунд молча смотрел на него. Обычно, исходя из своего опыта работы в контрразведке, я стараюсь не руководствоваться чувствами и готовлюсь к разбору любого дела с такой же тщательностью, с какой хирург готовится к ответственной операции. Если контрразведчик будет руководствоваться чувствами, он не сможет объективно разобраться в деле, в его решении обязательно скажется влияние этих чувств и ему не удастся добраться до истины. Но, должен признаться, на этот раз я смотрел на Пульхофа с нескрываемым отвращением. Я решил во что бы то ни стало разоблачить предателя, даже если бы это стоило мне многих часов и дней.

— Так, Пульхоф, или, может быть, лучше называть вас Бобби? Вот мы и опять встретились. Прошлый раз вам удалось выйти сухим из воды. Но сомневаюсь, чтобы это удалось вам теперь. Мне в прошлом году вы пели одно, а позже нашему противнику, как мне стало известно, — я показал на документ, лежащий передо мной на столе, — вы пели уже совсем другое. Как вы

объясните тот факт, что добровольно дали показания немцам?

Пульхоф, как и раньше, хладнокровно смотрел на меня. Жалкая улыбка затаилась в углах его губ. В этот момент Пульхоф был похож на старого друга, приветствовавшего меня на званом обеде, а не на предателя, пойманного на месте преступления.

— Сэр, могу я сначала задать вам два вопроса?

— Никаких вопросов, — грубо оборвал я его, — не думайте, что вам удастся отвертеться, оттягивая время. Война вот-вот кончится. У меня теперь достаточно времени.

— Я понимаю, сэр, что время дорого вам, — ответил Пульхоф, — и поэтому хочу сразу перейти к делу. Мой первый вопрос. Можете ли вы указать мне на какие-либо сведения в моих показаниях, которые не были известны немцам раньше?

Это был трудный вопрос. Я знал, что немецкая контрразведка многие сведения, которые содержались в показаниях Пульхофа, получила из других источников. Так, я знал, что моя кличка Фрэнк Джэксон была известна немцам раньше. Но я не думал, что ее знал Пульхоф, который, таким образом, сознательно сообщал немцам сведения не первой свежести. Если Пульхоф делал это преднамеренно, то, следовательно, он имел готовые ответы на мои вопросы, связанные с этим делом. Но все же я не был удовлетворен.

— Я допускаю, что сведения, которые вы сообщили немцам, действительно не первой свежести. Но это не делает вас лучше в моих глазах. Вы сказали им все, что знали. И тот факт, что вы давали немцам устаревшие сведения, не оправдывает вас.

— Прошу прощения, сэр, — сказал Пульхоф, который по-прежнему оставался спокойным. — Мне кажется, что это оправдывает меня. Это как раз второй вопрос, который я хотел задать вам. Перед отъездом из Лондона мне сообщили клички и адреса агентов в Голландии, с которыми я должен был установить контакт. Если бы я был предателем или агентом-двойником, разве я не выдал бы их немцам при первом же удобном случае? А разве эти голландские агенты расстреляны или находятся под арестом? Сэр, прочтите мои показания еще раз. Упоминаются ли в них имена моих помощников или лиц, с которыми я держал связь?

Таков конец «дела Пульхофа». Любой следователь, имеющий большой опыт работы в контрразведке, не смог бы ничего возразить Пульхофу. Он не выдал ни одного из своих товарищей по Движению сопротивления или кого-либо из наших агентов. Наоборот, он спас им жизнь. Его интуиция подсказала ему, как вести себя во время допроса. Если бы я занимался подготовкой Пульхофа в американском управлении стратегических служб, я

посоветовал бы ему вести себя при подобных обстоятельствах именно так, как он вел себя. Если вы попадете в руки противника и вас будут допрашивать, учил я наших агентов перед их отправкой на оккупированную противником территорию, старайтесь давать допрашивающим только правдивую информацию, но такую, которая уже известна им из других источников. Они немедленно проверят сообщенные вами сведения и, убедившись в их правдивости, поверят, что вы действительно сломлены и сказали все, что знали. Этот способ поможет вам избежать пыток, если вы окажетесь в лапах гестапо. Так вам удастся скрыть самые важные сведения, которые еще неизвестны немцам и которые они, несомненно, вытянули бы из вас долгими пытками. Любой человек, как бы тверд и закален он ни был, имеет определенный предел терпения, если только сама природа не позаботится о нем и он не сойдет с ума.

Итак, Пульхоф инстинктивно избрал правильную линию поведения, стремясь спасти себя и своих товарищей. Немцев удовлетворила точность деталей, и они не сомневались, что Пульхоф рассказал им все, что знал. Офицер, допрашивающий Пульхофа, наверняка с гордостью подписал свое донесение майору Фельдману. И, конечно, тот факт, что Пульхофу удалось удержать в тайне от немцев имена и адреса его помощников по агентурной сети и все свои связи, на сто процентов доказывал его невиновность. Пульхоф мог выдать своих товарищей и таким образом избавить себя от риска подвергнуться пыткам. Однако он выбрал другой путь, опасный и смелый, и успешно прошел его. И хотя первое знакомство с показаниями Пульхофа заставило меня видеть в нем предателя, подписавшего свой смертный приговор, в конце концов эти же самые показания явились лучшим доказательством его невиновности. Такова история Антона Пульхофа, известного своим друзьям из управления стратегических служб под кличкой Бобби.

У этого худощавого человека, полуевропейца, полумалайца, был светлый и острый ум. Пульхоф организовывал побеги с оккупированной врагом территории и попал под подозрение, затем стал секретным агентом и снова попал под подозрение. Однако в конце концов он оказался истинным патриотом.

Долгое время я не знал, кто он: «Друг или враг?» И наконец я увидел в нем друга, искреннего друга Англии и Голландии. Где он сейчас, я не знаю. Но я убежден, что он один из не воспетых в песнях героев, которые сыграли выдающуюся роль в войне и которые рисковали жизнью ради счастья своей родины, не ища ни славы, ни денег. Нет патриотизма благороднее этого.

Глава 3.

МНЕ ЗНАКОМО ВАШЕ ЛИЦО

Однажды утром в апреле 1943 года я не спеша прогуливался по Пикадилли. Это было то чудесное апрельское утро (к сожалению, они очень редки), когда все кажется по-весеннему чистым и сверкающим. Грин-парк был действительно зеленым, и даже мрачный фасад Королевской академии художеств, сложенный из портландского камня, казалось, сверкал чистотой. Прохожие, видимо как и я, были очарованы этим теплым весенним утром. Зима ушла, и впереди были длинные солнечные дни. Вести с фронта были приятнее, чем когда-либо раньше. Английские и американские войска приближались к Тунису, чтобы там окончательно разгромить противника. На Восточном фронте немцы были разгромлены в битве на Волге. Удача не сопутствовала и люфтваффе, и английские бомбардировщики по ночам настойчиво опровергали хвастливое заявление Геринга, что ни одна бомба не упадет на немецкую землю.

Обычно, прогуливаясь по улицам города, люди не замечают, что происходит вокруг. Погруженные в свои думы, они движутся почти автоматически, стараясь лишь не столкнуться с прохожими или не попасть под машину. И они вправе поступать так. Но лично я предаюсь размышлениям у себя в кабинете, а на улице наблюдаю за прохожими и держу ухо востро. Не раз я ловил себя на том, что, идя по улице, подсознательно изучаю лица прохожих и стараюсь по виду определить их характер, профессию, интересы. Ведь в конце концов изучение людей — хороших и плохих — и являлось моей профессией свыше тридцати лет, и неудивительно, что я невольно занимался этим даже во внеслужебное время.

Так было и в это апрельское утро. Случайно мой взгляд упал на идущего мне навстречу офицера в голландской военной форме. Будучи голландцем, я, естественно, пристально посмотрел на него. И вдруг мне показалось, что я где-то видел его раньше при необычных обстоятельствах. Он медленно прошел мимо меня. Тогда я обогнал его и остановился у витрины книжной лавки, делая вид, что внимательно рассматриваю книги. Он снова прошел мимо меня.

Я уже писал раньше, что отличная память — необходимое качество контрразведчика. К счастью или несчастью, у меня была как раз такая память. В подтверждение своих слов приведу два примера. Мой отец одним из первых в Голландии установил у

себя дома телефон. Тогда еще не было телефонных книжек, и поэтому над телефоном висела табличка, на которой было записано около десятка телефонных номеров. И хотя прошло пятьдесят лет, я до сих пор помню эти номера и фамилии их владельцев. Я также могу вспомнить, например, что мне подарили, когда мне исполнилось три года, и кто преподнес каждый подарок. И эта память — не моя заслуга, а наследственное качество, как если бы я был очень высоким или очень красивым, каким я, слава аллаху, не являюсь.

Да и глупо не использовать своих природных качеств. Многие годы я тренировал свою память. Сыграли свою роль и бесконечные разборы дел. Я мог так «рассортировать» эти дела, что различные факты и события раскладывались у меня в голове, как по ящикам письменного стола. И стоило мне «выбрать» соответствующее «дело», как воспоминания лились широкой рекой.

Так было и сейчас. Я не сомневался, что видел этого голландского офицера раньше, но только мельком. Но где и при каких обстоятельствах? Этот офицер — голландец, рассуждал я, поэтому, вероятнее всего, я видел его в Голландии. Но я не был в Голландии с начала войны, следовательно, если я действительно видел его там, то это могло быть только до 1939 года. Сейчас ему около сорока, я мог видеть его в течение предыдущих двадцати лет, когда он был уже взрослым человеком и внешне выглядел примерно так же, как сейчас. Рассуждая таким образом, я пришел к выводу, что мог видеть этого человека в период с 1923 по 1939 год.

Затем я стал думать над вторым вопросом. Почему у меня в памяти его лицо связывается с какими-то необычными обстоятельствами? Почему, увидев его в голландской форме, я насторожился? Моя память связывала этого офицера с каким-то событием, имевшим отношение к немцам. И, вот так рассуждая, я избрал правильный путь. Дверца соответствующего ящичка в моей памяти широко открылась — и факты посыпались один за другим.

Одиннадцать лет назад, в 1932 году, я встретил этого незнакомца тоже на улице, но в Амстердаме. У него на лацкане пиджака красовался значок вновь организованной в Голландии нацистской организации. С тех пор я не видел этого человека.

У меня возникло подозрение, и я решил немедленно проверить этого офицера. Я послал запрос в голландский военный штаб и вскоре узнал о незнакомце все, что хотел. Это была не совсем обычная история. Гельдер (фамилия офицера) прибыл из Голландии вместе с одним журналистом. Им удалось

уехать по общей чилийской визе, которую им дал чилийский посол в Голландии мистер Вега. Они пересекли Францию и Испанию и достигли Португалии. Билетов на самолет там не оказалось, поэтому они пароходом выехали в Кюрасао в Голландской Вест-Индии, откуда отправились в Соединенные Штаты и затем — в Канаду.

Голландские власти сообщили мне, что до войны Гельдер был офицером войск местной обороны, поэтому по прибытии в Канаду был зачислен в голландскую армию, после чего прошел соответствующую подготовку и получил назначение. Вместе с отрядом Гельдер был отправлен в Англию, где его отряд влился в голландскую армию, готовящуюся к освобождению своей страны. Так как он прибыл в Англию в военной форме и вместе с солдатами, он не проходил соответствующей проверки. Голландские власти сочли это формальностью, поскольку Гельдер уже трижды успешно проходил проверку — в Португалии, Голландской Вест-Индии и в Канаде. И, как полагал голландский штаб в Лондоне, он был истинным патриотом и хорошим офицером.

Все это так. История Гельдера не была необычной, хотя далеко не каждый бежавший из Голландии путешествовал с удобствами, имея разрешение на выезд. Но его уже трижды проверяли, и он успешно прошел эти проверки. Что же мог сделать я?

Однако я не мог успокоиться. Мне не давал покоя значок голландских нацистов, который он носил одиннадцать лет назад. Возможно, вступление в фашистскую организацию было ошибкой молодости, но в то же время оно могло свидетельствовать и о действительных интересах Гельдера. Я послал запрос его начальнику с просьбой разрешить мне побеседовать с лейтенантом Гельдером. Моя просьба была удовлетворена. И через несколько дней после того, как я встретил Гельдера на Пикадилли, он явился ко мне в кабинет на Итон Сквере.

Я предложил ему сесть и, пока объяснял, что эта беседа — пустая формальность, присматривался к нему. Гельдер был человеком среднего роста, с коренастым мускулистым телом, начинающим слегка полнеть. У него были маленькие усики, небольшая лысинка, короткие волосатые руки и толстые сильные пальцы. Смуглый, на вид здоровый человек. Он казался образованным и интеллигентным, но было в нем что-то грубое. Скрипучий и грубый голос, какая-то развязность. Этот человек, как видно, привык идти своим путем и наслаждаться жизнью. (Как я узнал позже, солдаты не любили его за упрямство и несговорчивость.)

Здесь я хотел бы отклониться от темы. Уже в первые годы работы я понял, что контрразведчик, прежде чем вести допрос, должен собрать как можно больше сведений о подозреваемом. А будучи начальником следственного отдела в Королевской викторианской патриотической школе и позднее начальником голландской контрразведывательной миссии при главном штабе экспедиционных сил союзников в Европе, я учил своих подчиненных вести первый допрос по заранее намеченному плану. До допроса на каждого подозреваемого заполнялась анкета. В ней содержались следующие вопросы: а) имя и фамилия, возраст, место и год рождения подозреваемого; б) имя и фамилия, год рождения отца, матери, братьев и сестер, их местопребывание; в) фамилия, год и место рождения, национальность жены и ее родителей, девичья фамилия жены и ее матери; г) образование и знание языков; д) занятия с момента окончания школы, перечисление стран и городов, в которых подозреваемый был по делам службы или во время отдыха. Последним стоял вопрос: «Состояли ли вы когда-либо членом какой-нибудь политической организации или партии?»

Эта анкета преследовала двойную цель. Во-первых, она содержала основные сведения о подозреваемом, что служило основой для первого допроса. Во-вторых, если подозреваемый выступал под вымышленной фамилией, его легко было разоблачить. Человек, который выдает себя за другого, заранее выучивает автобиографию. Однако вполне вероятно, что он не сможет без запинки подробно рассказать о своих родственниках. Во время допроса он может не сразу сказать возраст своей двоюродной сестры или назвать девичью фамилию вымышленной тещи, что немедленно выдаст его.

Из ответов Гельдера на эти первые вопросы я узнал, что он родился в еврейской семье, но перешел в католичество, так как женился на бельгийке дворянского происхождения. До войны он был директором отделения крупной американской кинокомпании в Голландии. Одно время служил в войсках, имея чин лейтенанта. На все мои вопросы Гельдер отвечал без запинки. А когда я наконец спросил его, состоял ли он членом какой-либо политической организации или партии, он твердо ответил: «Нет, сэр!»

Я сразу же переключился на вопросы, связанные с его выездом из Голландии во время войны.

— Можете ли вы вспомнить день и час, когда вы пересекли голландско-бельгийскую границу?

— Извините, сэр, но я не пересекал бельгийской границы.

— Не пересекали?

— Нет, сэр. Только по воздуху. Сначала мы отправились во Франкфурт в Германии, а оттуда через Швейцарию попали в Южную Францию и, наконец, в Испанию и Португалию.

— Это похоже на туристское путешествие, — заметил я. — Но скажите, как вам удалось проехать через Германию? Любой человек, которому посчастливилось получить разрешение на выезд из оккупированной Европы, изберет кратчайший путь. К тому же немцы не дураки, чтобы позволять эмигрантам путешествовать по Германии, где они могут собрать ценные сведения о военных объектах и результатах бомбардировок союзников.

Гельдер громко рассмеялся. Это был и горький и торжествующий смех.

— Дело в том, сэр, что и мой друг и я имели чилийские визы. А немцы с уважением относятся к подобного рода документам.

Ответ Гельдера не убедил меня, но я промолчал. Даже если немцы и отнеслись с уважением к чилийским визам, у них не было причин не отправить Гельдера и его друга журналиста кратчайшим путем. Кроме всего прочего, Гельдер был евреем. Я знал, что в глазах гестапо еврей всегда еврей, независимо от религии. Женитьба Гельдера на христианке высокого происхождения могла спасти его от заключения в концентрационном лагере, но она не могла избавить его от постоянного надзора и периодических допросов в гестапо. Любой еврей, как бы богат и известен он ни был, являлся анафемой в глазах гестапо. По-видимому, Гельдеру не разрешили бы покинуть Голландию да еще проехать через Германию, если бы он и его компаньон не были полезны немцам.

Около двух часов расспрашивал я Гельдера о его довольно странном путешествии. Постепенно его самоуверенность исчезла, и за ней я увидел труса. Гельдер сознался, что, когда он и его друг ехали во Франкфурт, их сопровождали официальные представители немецких властей. По прибытии во Франкфурт они также не были предоставлены самим себе. Об их дальнейшем путешествии заботились опять-таки немецкие власти.

Я прервал допрос и отпустил Гельдера. Он облегченно вздохнул. Но я предупредил его, что мы еще встретимся и что он услышит обо мне в течение ближайших двух суток.

Я был убежден, что напал на след преступника, и поэтому немедленно связался с английской контрразведкой и попросил прислать на следующий допрос Гельдера двух офицеров в качестве наблюдателей. Условились, что второй допрос состоится в 10.30 утра следующей субботы.

Наблюдатели приехали вовремя и сели в углу моего

кабинета. Я не представил их Гельдеру и не обращался к ним, дав тем самым ему понять, что они будут присутствовать на допросе в качестве наблюдателей. Я начал с тех же вопросов, касающихся его прошлого, и в конце концов снова спросил: «Состояли ли вы в какой-нибудь политической партии или организации?»

Он посмотрел мне прямо в глаза и ответил:

— Нет, сэр.

Я продолжал пристально смотреть на него:

— Лейтенант Гельдер, можете ли вы дать честное слово офицера, что скажете правду, если я задам вам еще один вопрос?

— Да, сэр, — ответил он.

— Состояли ли вы в какой-нибудь политической партии или организации?

— Нет, сэр, — снова повторил он.

— Посмотрите мне в глаза и помните, что вы дали слово офицера говорить только правду. В третий и последний раз спрашиваю вас, состояли ли вы, может быть очень короткое время, в какой-либо политической партии или организации? Подумайте хорошенько, прежде чем отвечать мне.

Гельдер напряг лицо, будто старался что-то вспомнить. Вдруг он резко покачал головой и, смотря мне прямо, в глаза, ответил:

— Нет, сэр. Я никогда не состоял ни в какой политической партии или организации. Вы просили говорить правду, и я говорю ее. Даю вам слово.

Я молчал, а мысль лихорадочно работала. Я не сомневался, что Гельдер лгал, но мне было трудно доказать это. А память могла подвести меня, особенно если учесть, что с тех пор произошло много важных событий, в которых я играл не последнюю роль. Я решил взять его на испуг. Если это не поможет, тогда дело придется прекратить. Я выпрямился и, строго глядя на него, сказал:

— Лейтенант Гельдер, трижды я задавал вам один и тот же вопрос и трижды вы отрицали, что принадлежали к политической организации. Вы лжете. Откуда это мне известно? Так знайте, двое ваших земляков, пользующихся хорошей репутацией, под присягой показали, что до войны вы были членом национал-социалистской партии. У меня есть письменные показания этих людей. — И я показал ему бумаги, случайно оказавшиеся у меня на столе. Эффект моих слов был поразительным. Гельдер сильно покраснел и смутился.

— Но-это не имеет никакого значения, сэр. Я вступил в эту партию из-за моего тестя... Я никогда не хотел быть членом этой партии, сэр...

Это был прекрасный момент, которым следовало

воспользоваться. В течение десяти минут я не давал Гельдеру возможности опомниться.

— Как вы осмелились лгать мне! — кричал я на него. — Вы дали честное слово офицера говорить только правду, а сами трижды солгали! Не один раз, а три раза! И когда, наконец, я уличил вас, вы покраснели и осмеливаетесь утверждать, что это заставил вас сделать ваш тесть. Ваш тесть! Он должен быть очень сильным человеком, чтобы заставить такого человека, как вы, так необдуманно поступить. Итак, вы вступили в партию врагов вашей родины и еще утверждаете, что это «не имеет значения». Позвольте заметить вам, лейтенант, что вы поплатитесь за все это. Вы хотите, чтобы вас разжаловали? Посадили в тюрьму? Или повесили как предателя?

Гельдер начал торопливо оправдываться:

— Я и сам не рад, сэр, что сделал эту глупость. Но я был молод... и только что женился. Мой тесть очень хотел, чтобы я вступил в эту партию, и я решил сделать ему приятное. Но эта партия, сэр, ничего не значила для меня. Я вступил в нее... как в клуб, и даже забыл, что когда-то был ее членом.

Вид у Гельдера был несчастный.

Я молча смотрел на него, а английские офицеры от нетерпения даже наклонились вперед.

— Не думайте, что вам удастся одурачить меня, лейтенант, — продолжал я. — Вы образованный, интеллигентный человек, а не какой-нибудь простачок. Я трижды задавал вам один и тот же вопрос, и у вас было время все вспомнить и сказать правду. Как можно забыть, что ты был членом национал-социалистской партии? Определенные порядки, клятвы... эмблемы и значки... Как это можно так быстро забыть? Вы сознательно лгали мне. Почему? Потому, что хотите что-то скрыть. Но я выжму из вас это «что-то» или вы избавите меня от излишних хлопот и расскажете обо всем сами!

— Но клянусь, сэр, мне нечего скрывать, — пробормотал он. — Поверьте мне.

— За эти полчаса вы уж трижды нарушили свое честное слово. Поэтому не имеет смысла клясться снова, чтобы произвести впечатление, — сказал я.

Мой номер удался. Гельдер был из тех людей, которые веселы и властны, пока все идет гладко, и которые теряются, когда возникают какие-либо трудности. Гельдер был жалок. Он растерял остатки чувства собственного достоинства, а самоуверенности его как не бывало. Жалость к себе и унижение уже светились в его глазах.

Я снова начал расспрашивать Гельдера о его поездке. Пытаясь

добиться моего расположения, он говорил без умолку. Оказалось, что Гельдера и его друга журналиста отправили во Франкфурт на немецкой машине. Там немцы дали его другу крупную сумму денег в португальской, голландской и американской валюте. Затем представители немецких властей переправили их через Швейцарию, Южную Францию и Испанию к португальской границе. Гельдер сознался, что вместе с ним весь этот путь проделала его жена.

Я решил снова воздействовать на Гельдера.

— Лейтенант Гельдер, — начал я, медленно произнося слова, — вы преступник. До войны вы исколесили весь мир, занимали видный пост в американской фирме, а американцы не имеют обыкновения принимать на работу круглых дураков. Согласитесь, что вы человек осмотрительный, обладающий определенными способностями.

— Если вы так считаете, сэр, — сказал он, ухмыляясь, — хорошо.

— Значит, вы согласны со мной? Но разве вас не удивляет, что с вами, евреем, нацисты так хорошо обращались? Ведь они ненавидят евреев. Им доставляет удовольствие издеваться над евреем, как бы безвреден он ни был. Но с вами они обращались иначе. Для вас они ничего не жалели. Заботились о вас на протяжении всего вашего путешествия, даже ваша жена была с вами. Если бы вы были гаулейтером, они не смогли бы обращаться с вами лучше. Вам не кажется это странным?

— Теперь, когда вы все представили в таком свете, это действительно кажется странным. Но тогда я принимал все это как должное.

— Давайте, Гельдер, наконец, говорить серьезно. Как вы сами согласились, вы не глупы. Вы все время были настороже, так как малейший каприз немцев мог стоить вам свободы и даже жизни. Правда? И с самого начала поездки вы должны были задуматься над тем, почему все это делалось для вас. Не так ли?

— И да и нет, сэр, — сказал он в замешательстве.

— Будем говорить прямо. Вы считали, что все это происходит в силу стечения обстоятельств, не так ли?

Он некоторое время молчал, а потом очень тихо произнес: «Да, сэр».

— Но почему вы сразу не рассказали мне обо всем этом? После того как вы покинули Голландию, вас трижды допрашивали — в Португалии, Голландской Вест-Индии и в Канаде. И трижды вы имели возможность высказать ваши сомнения. Но вы упорно молчали, пока, наконец, я не добрался до вас. Как вы объясните это?

Гельдер лгал и изворачивался, но я не отступал. Наконец он сознался. Перед отъездом из Голландии с ним беседовал герр Кнолле, начальник немецкой шпионской службы в Голландии, который сказал ему:

— Вы поедете через Германию, где многое увидите и о многом услышите. Если вы скажете хоть одно слово об этом или что-нибудь о вашем компаньоне, когда попадете на территорию, не занятую немцами, вы расплатитесь за это. Помните, у немецкой секретной службы длинные руки. Мы везде найдем вас.

— Другими словами, — начал я, — вам и вашей жене разрешили уехать из Голландии только потому, что вы служили прикрытием для немецкого шпиона, этого вашего друга журналиста. И вы знали это, не так ли?

— О нет, сэр, — пробормотал Гельдер. — Клянусь, мой друг честный человек.

— После всего того, что мы уже слышали, вряд ли можно верить вашим клятвам, — заметил я. — Если ваш друг — честный человек, тогда, вероятно, вы немецкий шпион?

— Н-нет, сэр.

— Ну, давайте еще раз разберемся. Вы, еврей, и ваша жена должны были сопровождать вашего друга журналиста до Португалии. Во Франкфурте немцы дали этому журналисту изрядную сумму денег. Вас окружили вниманием, однако начальник немецкой шпионской службы предупредил вас, что вы ничего не должны рассказывать обо всем этом. Как вы сами признались, это довольно странно. И вы сами должны были понять, что служили ширмой для шпиона.

— Да, сэр. Это приходило мне в голову.

— Так вы подозревали, что что-то происходит?

— Да, сэр, у меня были подозрения. Но у меня не было доказательств. Во время войны иногда происходят очень странные вещи, но все это могло иметь очень простое объяснение.

— Да, такое объяснение есть, — прервал его я. — Ваш друг — платный шпион, а вы, вольно или невольно, его соучастник.

Гельдер в волнении начал кусать свои толстые губы. Через минуту он пробормотал:

— Да, сэр. Но я не виновен, уверяю вас.

— Чем дальше в лес, тем больше дров. Теперь ответьте на другой вопрос. Вас допрашивали в Лиссабоне, в Кюрасао и Канаде. Все, что от вас требовалось, так это сказать правду, и тогда ваш друг не смог бы заниматься шпионажем. Но вы ничего не сказали. Почему?

— Я был так запуган, сэр...

Я внимательно осмотрел его с ног до головы.

— Но вы же офицер. Вы носите шкуру льва. Неужели вы трусливый шакал в львиной шкуре и угроза могла заставить вас молчать и тем самым стать соучастником шпиона?

Гельдер был близок к обмороку. Он весь как-то сжался, и форма стала висеть на нем.

— Я хотел рассказать правду, но я был так напуган, — почти прошептал он.

— Вы знаете, что перед лицом закона шпион и его соучастник одинаково виновны?

Он облизал пересохшие губы и чуть слышно пробормотал: «Нет, сэр».

Я решил использовать последнее средство.

— Что вы сделали с пирамидоном^[1], который вам дал Кнолле перед отъездом? — резко спросил я его.

Гельдер смутился.

— Он не давал мне никакого пирамидона, сэр.

Вдруг лицо его прояснилось.

— Вспомнил, у моего друга в чемодане был какой-то белый порошок, — быстро проговорил он.

Дело было закончено. Представители контрразведки имели теперь все основания тотчас же арестовать Гельдера. Но я попросил их оставить Гельдера в моем распоряжении на 24 часа и пока не арестовывать его. Я объяснил им, что хотел бы спасти голландскую армию от скандала. Ведь если станет известно, что один из ее офицеров был арестован как соучастник шпиона, разыграется скандал. Они удовлетворили мою просьбу.

Я сразу же связался со своим непосредственным начальством — министром юстиции и военным министром голландского правительства в Лондоне. Мы встретились, я ввел их в курс дела и попросил немедленно уволить Гельдера из армии. В тот же день решением чрезвычайного военного суда Гельдер был разжалован и уволен из армии. А на следующий день он был арестован английскими властями, но уже как гражданский человек. Его заключили в тюрьму в Сюри, где он должен был пробыть до конца войны. Затем предполагали отправить его в Голландию для предания суду. Было признано, что Гельдер потенциально опасен и поэтому не может оставаться на свободе. Но Гельдер так и не предстал перед судом. Примерно через год после его заключения на тюрьму был совершен воздушный налет. Одна или две бомбы упали вблизи тюрьмы, и Гельдер, не выдержав этого потрясения, умер от разрыва сердца. Как я уже говорил, он был труслив. Одновременно с арестом Гельдера голландским властям в Канаде была послана телеграмма, в которой предлагалось арестовать журналиста, приехавшего

вместе с Гельдером и все еще находившегося там. Этот журналист, я пока не могу назвать его фамилии, был отправлен в Англию, где содержался в тюрьме до конца войны. Затем его отправили в Голландию для предания суду.

Награда, которую я получил за участие в этом деле, была и неожиданной, и приятной. Я получил официальное письмо с поздравлением от голландского министра юстиции в Лондоне, в котором восхвалялось искусство, с которым я провел дело Гельдера и его спутника. Контрразведку часто называют «молчаливой службой». Очень редко работников этой службы официально благодарят. Они должны предупреждать шпионаж и разоблачать шпионов, не рассчитывая ни на благодарности, ни на официальное признание своих заслуг. Я высоко оценил это редкое исключение из практики высших властей.

Здесь я хочу сделать небольшое отступление. При разборе дел о шпионаже (я имею в виду сенсационные открытые процессы) мы склонны забывать о невиновных родственниках обвиняемого, на которых безжалостно падают презрение и ненависть окружающих. Они не заслужили такого испытания, но в течение ряда лет после судебного процесса люди при встрече с ними многозначительно подталкивают друг друга и, пожимая плечами, говорят: «Вы уже забыли о деле, которое разбиралось десять лет назад?» И это звучит как интересная новость. Так было и с несчастной женой Гельдера. Дворянка по происхождению, она была привлекательной и культурной женщиной. Ее муж вступил в голландскую армию в Канаде, а затем его перевели в Англию. Но она не могла сопровождать его: во время войны гражданским лицам не разрешалось плавать на судах, предназначенных для перевозки войск. Она уехала в Аргентину. Когда там, в голландской колонии, узнали о смерти ее мужа и аресте журналиста Х, начали ходить всякие слухи, как это обычно бывает в военное время, особенно в кругу бездельников. Говорили, например, что ее муж умер не своей смертью, а был казнен как шпион в лондонском Тауэре. Сначала госпожа Гельдер была всеобщей любимицей, но теперь ее стали избегать. Никто из членов голландской колонии не имел храбрости заговорить с этой женщиной, так велико было презрение к ней. Тяжело потерять мужа, находясь от него за тысячи километров и будучи бессильной что-либо предпринять. Но еще тяжелее незаслуженно терпеть всеобщее презрение. Жизнь стала для госпожи Гельдер невыносимой.

Как только кончилась война, она с первым же пароходом уехала в Голландию. Там она обращалась к официальным лицам, но они не могли сказать ей ничего определенного. Ее муж умер в

Англии до суда, и поэтому даже официальные лица в Голландии мало что знали о лейтенанте Гельдере. Однако ей посоветовали связаться со мной. Она долго разыскивала меня, а я в это время был в разъездах, выполняя важные задания. Нам удалось встретиться только летом 1945 года.

Меня тронуло ее страстное желание узнать правду о муже, правду, которую она не могла узнать в течение двух лет. Но и я не мог всего рассказать ей, так как журналиста Х еще не передали суду и дело, в котором был замешан ее муж, еще находилось в стадии разбора. Но я объяснил ей, что она может привлечь к суду любого, кто скажет, что ее муж был шпионом или был казнен как шпион. Я сказал ей, что ее мужа не судили как шпиона и что он умер своей смертью. С этими словами, которые несколько утешили ее, я распрощался с ней. Я презирал этого человека, который купил себе свободу ценой пособничества предателю. Госпоже Гельдер, которая все еще пыталась узнать подробности смерти мужа, я только сочувствовал. Лично я считал дело Гельдера законченным. Но я ошибся. В 1949 году я получил письмо, написанное незнакомым почерком. Это было письмо от госпожи Гельдер. Она писала, что дело журналиста Х, обвиненного в шпионаже, только что рассматривалось судом и что он оправдан и освобожден.

Я дважды прочел письмо, не веря своим глазам. Машина закона работала до крайности медленно: шесть лет прошло с тех пор, как был арестован журналист Х, и четыре года с тех пор, как его отправили в Голландию, чтобы там предать суду. И вот теперь суд вынес очень странное решение. Громко смеясь, я написал госпоже Гельдер ответ. «Если Х невиновен, — писал я, — с чем мы должны согласиться, так как вне всякого сомнения суд внимательно разобрал его дело, то, следовательно, и ваш муж невиновен, ибо он только косвенно был замешан в этом деле. Поэтому Вы имеете право привлечь к суду любого, кто скажет, что ваш муж был шпионом». И это письмо снимало огромную тяжесть с ее сердца. Подписав письмо, я положил ручку и закурил сигарету. Кто-то совершил большую ошибку. Неужели Х невиновен? В моих глазах и глазах английской контрразведки Х был предателем и шпионом. Но в глазах голландского суда, который разбирал его дело, этот так называемый предатель и шпион оказался патриотом, иначе как же суд мог оправдать его? А если невиновен Х, то невиновен и Гельдер. Вот вам вечная проблема — «друг или враг?» Но я по-прежнему придерживаюсь своей точки зрения, когда речь заходит о деле лейтенанта Гельдера.

Глава 4.

АГЕНТЫ-ДВОЙНИКИ

Эта глава является как бы прелюдией к следующей, в которой я расскажу о самом трудном деле, которое мне пришлось разбирать. В главе 5 рассказывается история одного агента-двойника, поэтому я хочу предупредить читателей, что мои замечания не исчерпывают вопроса об агентах-двойниках. Я мог бы написать целую книгу об агентах этой категории или даже несколько книг, если бы не закон о сохранении государственной тайны.

Агент-двойник — это мужчина или женщина, используемые, какой-нибудь страной для шпионажа против другой и которые фактически являются агентами противника, работающими против завербовавшей их страны. Отсюда логически вытекает, что агент-двойник — самый сложный вид агента, с которым приходится иметь дело контрразведчику. Является ли агент-двойник самым опасным или самым полезным видом агента? Это зависит от взглядов и интересов агента: связан ли он со своей страной или страной противника. И это один из самых трудных вопросов, которые должен решать контрразведчик. Чтобы правильно решить вопрос — работает ли данный агент-двойник на нас или против нас, контрразведчик должен не только обладать всеми необходимыми качествами контрразведчика, но и быть глубоким психологом, чтобы за внешними наслоениями в психологии агента увидеть его действительные настроения и убеждения. Например, немецкий агент, пойманный союзниками в период прошлой войны, мог клясться, что его силой заставили работать на немцев и что в действительности он всеми силами старался помочь союзникам, работая против завербовавших его немцев. И он может говорить это только для того, чтобы спасти свою шкуру. Говорят, что перспектива быть повешенным на следующий день делает человека очень изобретательным. Любой разоблаченный шпион прекрасно понимает, что он должен клясться в верности тем, кто его поймал, чтобы избежать казни. Он даже может прийти к новым убеждениям. И здесь как раз есть шанс, что агент говорит, что думает, и поэтому может стать ценным агентом-двойником, то есть работать против своих бывших хозяев. Однако можно ли ему доверять и в какой степени? Вот на эти трудные вопросы и должен ответить контрразведчик.

Как я уже говорил, контрразведчик должен быть на сто процентов уверен в агенте-двойнике. Если же контрразведчик

сомневается в агенте, то его следует рассматривать как опасного человека, а если вина агента-двойника может быть доказана, то его надо немедленно предать суду. Если же вина агента полностью не доказана, его следует держать за решеткой до конца войны, чтобы он не мог вредить тем, кто его поймал. Поражение в войне, как известно, часто зависит от малейшей ошибки. И оказать доверие агенту-двойнику, в искренности которого ты сомневаешься, — значит совершить крупнейшую ошибку, которая может иметь дурные последствия.

Разобраться в деле агента-двойника гораздо труднее, чем в деле обыкновенного шпиона. Изучение всех сторон дела агента-двойника занимает дни и даже недели. Ведь каждый факт надо проверять и перепроверять, а это требует времени. Следователь должен определить образ мыслей подозреваемого. А для этого надо наблюдать за ним и когда он спит, и когда бодрствует. Контрразведчик должен стать тенью агента и наблюдать за ним и когда он ест, и когда бреется: в такие моменты он менее насторожен: Эта задача требует от следователя больших умственных способностей, выносливости и хорошего знания натуры человека и его образа действий. Я хочу на примере двух случаев показать работу агентов-двойников. Они могут лучше, чем тысячи слов теории, показать все «за» и «против» в отношении использования агентов-двойников. Эти случаи говорят о том, что агент-двойник может оказаться или очень опасным врагом или очень полезным союзником, который в состоянии сильно повлиять на ход войны.

В 1941 году в Англии жило много честных голландцев, которые хотели бороться за свободу своей родины, находившейся тогда в руках немцев. Они понимали, что пройдет еще несколько лет, прежде чем армии Освобождения, вторгнутся на континент, и не хотели ждать. Некоторые из них становились агентами. Их тайно переправляли в Голландию, где они работали в пользу растущего Движения сопротивления. Это были молодые, физически выносливые, сообразительные и очень смелые люди. От секретного агента требуется смелость особого рода. Безрассудная храбрость, например, за которую часто награждают орденами, хороша на войне, а тайному агенту она даже может навредить. Тайный агент должен быть храбрым и мужественным. Он работает в одиночку, без друзей, которые могли бы поддержать его в трудную минуту. Он всегда начеку. Он должен постоянно контролировать себя, даже ночью, чтобы не проговориться во сне. Именно это и есть настоящая храбрость. И молодые добровольцы обладали ею в достаточной степени.

Они проходили специальный курс подготовки. Учились

прыгать с парашютом ночью, владеть огнестрельным оружием и обращаться с радиопередатчиком. Они изучали также способы ведения боя без оружия, учились читать карту и пользоваться компасом. В ходе подготовки они подвергались суровым испытаниям, и те, кто не выдерживал этих испытаний, немедленно отчислялись. Только лучшие из них после нескольких месяцев подготовки становились тайными агентами. За период с 8 ноября 1941 года по 21 апреля 1943 года пятьдесят одного тайного агента сбросили на парашютах в Голландии и одного высадили на голландский берег со специальной лодки. Все пятьдесят два агента в конце концов были арестованы немцами. Сорок семь из них были казнены. Пять остальных избежали казни только потому, что немцы рассчитывали заставить их говорить или надеялись использовать в качестве приманки агентов. Таким образом, вся эта группа секретных агентов была выведена из игры до того, как ей удалось сделать что-либо во вред врагу. Сорок семь агентов — цвет страны — встретили смерть, понимая, что они потерпели неудачу. Все они провалились только потому, что один из этих пятидесяти двух агентов оказался агентом-двойником, работавшим на немцев. Ему каким-то образом удалось успешно пройти все проверки, которым подвергались молодые люди при отборе и в процессе обучения. Герр Шрейдер, начальник немецкой секретной службы в Голландии, тот самый Шрейдер, который фигурирует в следующей главе, назвал свой удачный ход «английской игрой». Для союзников же это была большая трагедия: они потеряли отлично подготовленных агентов, и в результате их агентурная сеть в Голландии не смогла успешно действовать в самый ответственный период войны. Голландец-предатель, который оказался агентом-двойником, после войны был пойман и казнен в Голландии, но это вряд ли может служить утешением.

Теперь приведу обратный пример. Кенгуру — я так буду называть его, так как он действовал под этой кличкой, — был беженцем-чехом. Он прибыл в Англию в начале 1940 года, и, естественно, контрразведка подвергла его проверке. Но еще до допроса он по собственному желанию рассказал нам очень странную историю. Как мы узнали, он добровольно согласился работать на немцев, оккупировавших Чехословакию. После долгих допросов немцы пришли к выводу, что он является приверженцем нацизма. Он прошел специальную подготовку, после чего его забросили в Англию. Его желание исполнилось. Кенгуру клялся, что всегда был на стороне союзников и обманывал немцев только для того, чтобы, став их шпионом, попасть в Англию, где он намеревался предложить свои услуги

истинным друзьям. Его заявление поразило нас. Затем он рассказал о некоторых деталях своего задания и назвал условные адреса в Лиссабоне, по которым должен был посылать добытую информацию. Немцы, как стало известно из рассказа Кенгуру, договорились с одним из банков в Лиссабоне, что на его имя через один лондонский банк ежемесячно будет высылаться пятьдесят фунтов стерлингов. В прошлом офицер запаса чехословацкой армии, Кенгуру был образованным, человеком, и поэтому немцы предложили ему по прибытии в Англию вступить добровольцем в армию Свободной Франции. Он должен был пролезть в разведывательные или контрразведывательные органы. Попав туда, он имел бы возможность добывать любые военные сведения, даже «совершенно секретные». Наконец, Кенгуру рассказал нам о методах тайнописи, которым его обучили в школе шпионажа. Обо всем этом он рассказывал очень свободно, и не было необходимости заставлять его продолжать рассказ, когда он на какой-то момент останавливался, чтобы собраться с мыслями.

Мы уже узнали от него о его хозяевах гораздо больше, чем сумели узнать от него немцы о нас и наших методах работы. Но мы еще не были уверены в искренности Кенгуру. Но в то же время он был мало похож на человека, впадающего в панику при первом же намеке на опасность. Три недели я и мой коллега из английской военной контрразведки допрашивали Кенгуру. Мы расспрашивали его о жизни в Чехословакии, интересовались отдельными моментами его жизни, подвергали его перекрестному допросу, пытаясь определить его отношение к союзникам. Почему он предпочитает англичан немцам? Что он думает о демократии в сопоставлении с нацизмом? Читал ли он «Майн Кампф»? Что он знает о Бенеше и Масарике? Как он расценивает мюнхенское соглашение? Эти и многие другие вопросы задавали мы ему в течение трех недель. Затем, сравнив наши выводы, мы увидели, что они совпадают. Мы уже готовы были поверить Кенгуру, но решили подвергнуть его последнему испытанию. В то время я и мой коллега из английской контрразведки жили в одной квартире в районе Челси. У нас была свободная комната, и мы пригласили Кенгуру погостить у нас несколько дней. Мы уже верили ему, но еще сомневались в возможности использовать его. Восемь дней мы незаметно для него внимательно наблюдали за ним. За эти восемь дней мы ни разу ни на минуту не оставляли его одного. Наблюдая за ним, мы изучали его. К концу испытательного срока мы уже не сомневались в его искренности и преданности союзникам.

Но настоящая игра еще только начиналась. Согласно нашим

указаниям он написал свое первое письмо по условному адресу в Лиссабоне. На первый взгляд это было безобидное письмо, в котором он писал, что благополучно прибыл на место, что ему нравится в Англии и что он надеется, что его адресат находится в добром здравии. Однако «настоящее» письмо было написано на том же листке бумаги невидимыми чернилами. В нем Кенгуру сообщал, что его проверяли в английской контрразведке, что все прошло успешно и что он не вызвал никаких подозрений. В письме также сообщались некоторые действительно секретные сведения, которые, как мы знали, были уже известны немцам. Письмо заканчивалось словами: «Жду дальнейших указаний».

Теперь несколько слов о тайном письме. Как и большинство уловок, к которым прибегают тайные агенты, тайнопись проста. И эта простота является залогом успеха. Сложные же и тщательно продуманные планы или методы нередко влекут за собой провалы, имеющие печальные последствия. Однако, конечно, имеется несколько хитрых методов. Один из них, о котором я хочу рассказать, имеет два преимущества. Он прост и к тому же дает возможность агенту не носить с собой уличающих его материалов или приспособлений. Представьте себе, что агент имеет специальную автоматическую ручку для тайного письма. Как только он прибудет на место назначения, все его вещи обязательно осмотрит следователь контрразведки. И он, конечно, найдет эту ручку, что приведет к губительным последствиям. Если же агент пользуется простейшими методами тайнописи, ему нечего бояться осмотра его имущества и личных вещей, ибо необходимые для тайного письма вещества он не носит с собой: он может купить их в любой аптеке, после того как его обыщут, допросят и убедятся, как он надеется, в его невиновности.

Существуют два способа тайного письма. Первый способ. Лист неглазированной бумаги сгибают пополам. Затем на первой и третьей страничках обычными чернилами и обычным пером пишут открытый текст, а на второй и четвертой страничках, оставшихся свободными, пишут тайное сообщение невидимыми чернилами.

Второй способ. На листе неглазированной бумаги открытый текст пишется на одной или обеих сторонах его так, чтобы между строчками оставалось достаточно места. Секретное сообщение в этом случае пишется невидимыми чернилами между строчками письма, написанного обычными чернилами.

Чтобы сделать написанное невидимыми чернилами видимым, лист надо равномерно прогреть, скажем, прогладить его горячим утюгом. После этого на листе появятся красновато-бурые слова. Однако следует знать, что сделать «проявленное» письмо снова

невидимым нельзя, так как при нагревании происходит необратимая химическая реакция.

Однако вернемся к Кенгуру. В его первом письме в Лиссабон мы заставили его написать условный адрес, который знали только я и мой коллега. Таким образом, ответ на это письмо должен был попасть к нам. Когда Кенгуру закончил письмо, я сам отнес его на почту. Такое недоверие к человеку, который успешно прошел все проверки, может показаться излишним, но в этой опасной, двойной игре мы не могли рисковать.

Вскоре мы получили ответ. На первый взгляд это было самое обычное письмо. Мы прочли его, а потом, расправив, прогладили горячим утюгом. Кенгуру, я и мой коллега внимательно смотрели на бумагу, но на ней был виден только безобидный открытый текст. Мы снова прогладили письмо горячим утюгом, и на этот раз появились едва видимые коричневые знаки. Мы несколько раз прогладили письмо, и с каждым разом коричневые буквы становились все более отчетливыми. Наконец секретное письмо стало видимым. В нем подтверждалось получение информации, содержащейся в первом письме Кенгуру, и давались следующие указания: сообщить данные о количестве убитых и раненых и об ущербе, нанесенном важным объектам в Англии в результате воздушных налетов немецкой авиации; узнать дислокацию и состав английского военно-морского флота, расположение воинских частей на южном побережье Англии; количество выпускаемых в Англии истребителей.

Учитывая разнообразие и ценность этой информации и большой риск, связанный с ее получением, мы решили, что немцы были скуповаты, платя Кенгуру всего шестьсот фунтов в год. Однако следует отдать им должное — они платили без задержки. Через два дня после получения первого письма пришло второе, из Лиссабона. В нем был чек на пятьдесят фунтов. Едва ли нужно говорить, что он был моментально оплачен.

Мы подождали несколько дней, в течение которых Кенгуру якобы добывал информацию, а затем послали ответ, который, как мы считали, должен был удовлетворить хозяев Кенгуру.

И так несколько месяцев мы втроем дурачили немцев. В ответ немцы с присущей им аккуратностью ежемесячно высылали чек на пятьдесят фунтов, которые Кенгуру с благодарностью получал и тратил. Мы, конечно, посылали немцам ложную информацию. Приведу пример. Немецкое верховное командование в то время было занято разработкой операции «Морской лев» — так было закодировано подготавливаемое ими вторжение в Англию. Немцы потребовали от Кенгуру, чтобы он достал схему расположения минных полей, прикрывающих вход в гавань Портсмут. Мы

достали действительный план расположения этих минных полей, а затем тщательно подготовили схему, которая искажала действительное положение. Там, где находились проходы в минных полях, мы показали мины, а проходы показали там, где были мины. Мы выждали несколько недель, давая понять немцам, что Кенгуру стоило больших трудов «достать» эти сведения, а затем послали ответное письмо. Я очень рад, что вторжение в Англию не состоялось. Только иногда я сожалею, что не имел удовольствия видеть, как гитлеровские десантные и другие корабли на полном ходу врезались в самый центр минных полей, прикрывающих Портсмут.

Обмен корреспонденцией продолжался еще два месяца. Потом вдруг письма из Лиссабона перестали поступать. Не получал Кенгуру и чеков. Немцы, видимо, что-то заподозрили. Кенгуру писал еще раз или два, прося дальнейших инструкций, но ответа мы так и не получили. «Операция Кенгуру» на этом закончилась. Мне так и не довелось узнать, насколько немцам удалось разобраться в дезинформационном назначении этой операции, но я уверен, что они «проглотили» ту ложную информацию, которую мы им посылали. Вполне вероятно, что благодаря сообщениям Кенгуру (это было после тяжелых дней Дюнкерка) немцы считали систему обороны Южной Англии более мощной, чем она была на самом деле. Не исключено, что именно это заставило немецкое верховное командование отказаться от вторжения в Англию. И если это действительно так, то можно считать, что в тот период число агентов противника в Англии было ограниченным и что Кенгуру оправдал себя как агент-двойник.

Когда «операция Кенгуру» закончилась, Кенгуру добровольно вступил в вооруженные силы Свободной Франции. Его быстро произвели в офицеры. До конца войны сражался он в составе этих сил и хорошо проявил себя в боях. Здесь моя связь с ним теряется, но я хочу надеяться, что после войны он нашел себе место в жизни. Если Кенгуру прочтет эти строки, я уверен, что он снова установит со мной связь. Наш старый стол, за которым мы вдвоем со страстью школьников составляли наши планы, стоит на прежнем месте, и он наверняка напомним ему о тех счастливых вечерах, которые мы провели за ним.

Глава 5.

ЖЕНЩИНЫ-ШПИОНЫ

I

Я очень невысокого мнения о женщинах-шпионах. За тридцать лет работы в контрразведке я не встречал женщины, кроме разве «фрейлейн Доктор», которая проявила бы себя как хорошая шпионка. Я писал об этом в книге «Охотник за шпионами», за что подвергся жестоким нападкам возмущенных женщин, а также писательницы детективных романов мисс Нанси Спэйн, выступившей в газетах с рядом статей. Но, несмотря на это, я по-прежнему придерживаюсь своей точки зрения и готов еще раз повторить, что, хотя женщины во время последней войны прекрасно проявили себя в Движении сопротивления и в подпольной работе, они никогда не могут стать хорошими шпионками или хорошими охотниками за шпионами.

Женщина не может зайти, например, в портовый кабачок и не привлечь к себе внимания окружающих. Кроме этого, женщина как шпионка имеет и другие серьезные недостатки. Шпионаж — опасное занятие, и нервы шпиона всегда напряжены до предела. К тому же шпион — он или она, это не имеет значения — всегда действует в одиночку. Он ни с кем не может поделиться, так как среди людей, с которыми ему приходится встречаться, могут быть провокаторы или предатели. Шпион и днем и ночью настороже, и даже обыкновенный стук в дверь или шаги человека, приближающегося к нему сзади, могут означать арест. Шпионаж, особенно в военное время, является самым опасным занятием в мире. Со временем нервное напряжение, в котором постоянно находится шпион, становится настолько сильным, что он начинает испытывать непреодолимое желание довериться кому-нибудь. Этим, в частности, объясняется то удивительное облегчение, которое испытывают некоторые шпионы после признания на допросе или на суде.

Женщина-шпионка, живя в постоянном нервном напряжении, очень часто дает волю своим чувствам. И если мужчина с его чувством самоконтроля никогда не позволит любви к женщине повлиять на его служебные дела, женщина не способна на это. Мужчина никогда не дает воли своим чувствам. Среди женщин только проститутки способны на это, но они, как известно, неблагонадежны. Женщина-шпионка может влюбиться в мужчину,

за которым ей поручено следить, потом перейти на сторону врага и выдать все известные ей секреты разведывательной службы своей родины. Вот почему я считаю, что женщина по своей природе никогда не может быть хорошим тайным агентом. Случай, который я хочу рассказать, подтверждает это.

II

Луиза напоминала героиню нашумевшего детективного романа. Ей было двадцать четыре года, когда я впервые встретил ее. Раньше я никогда не встречал таких поразительных женщин. Луиза была не только очень красива, но и умна. Она получила хорошее образование и свободно говорила на трех или четырех языках. Очень смелая, Луиза всем своим поведением говорила о своей любви к необычному.

Кроме всего прочего, Луиза обладала редкой способностью привлекать внимание мужчин. Она была женщиной, о жизни которой можно сказать, что правда иногда необычнее вымысла. Жизнь Луизы со всеми ее мелочами могла послужить основой интереснейшего фильма о шпионах.

Когда началась война, Луиза была студенткой геологического факультета голландского университета. Дочь известного промышленника, который имел заводы и фабрики в Германии и Голландии и, как полагали, был настроен пронемецки, Луиза вместе с сестрой и двумя братьями жила с матерью. Отец жил отдельно от них. Мать Луизы была талантливой художницей, и, возможно, от нее Луиза унаследовала свой артистический темперамент.

До войны Луиза вела беззаботную жизнь студенток, принадлежащих к знатным фамилиям. Подобно большинству современных эмансипированных девушек-студенток, Луиза была искушенной в любви, которая значила для нее слишком мало. Когда в 1940 году немцы оккупировали Голландию, для бесстрашной девушки, жаждущей опасных приключений, оставался один путь. Она вступила в подпольную группу Движения сопротивления, созданную в университете. Ее старший брат был одним из руководителей этой группы, а ее жених, тоже студент, играл там немалую роль.

Луиза помогала укрывать английских летчиков, сбитых над территорией Голландии, и других лиц, за которыми охотились немцы. Она организовывала отправку этих летчиков в Англию, помогала прятать оружие, мечтая о том дне, когда союзники вернутся на континент и участники Движения сопротивления

смогут открыто бороться с немцами с оружием в руках. Руководители Движения сопротивления располагали важными сведениями об аэродромах и портах, о расположении немецких войск и штабов. Эти сведения надо было пересылать в Англию, и Луиза принимала в этом деле живое участие. Помимо помощи англичанам, участники Движения сопротивления делали все возможное, чтобы причинить немцам ущерб с помощью саботажа, диверсий и антинемецкой пропаганды. Луиза печатала и распространяла листовки.

Осенью 1940 года группа Движения сопротивления, в которую входила Луиза, была выдана немцам одним из ее членов. Немцы начали охоту: они арестовали почти всех студентов — членов группы, в том числе Луизу и ее жениха. В доме жениха Луизы немцы нашли три плана голландских аэродромов. Луиза понимала, что его могут казнить. Но она знала, что немцы не казнили голландских женщин, боровшихся против них. Камеры Луизы и ее жениха были рядом, и перестукиванием она сообщила ему, что хочет взять его вину на себя. Ее жених пытался убедить ее не делать этого, но все было бесполезно.

И когда Луиза предстала перед немецким судом в Амстердаме, она заявила, что сама составила планы аэродромов и случайно оставила их в доме жениха. На вопрос председателя, зачем она это сделала, бесстрашная Луиза ответила: «Чтобы английская авиация разбомбила эти аэродромы». Позднее, читая протоколы немецкого суда, я заметил, что судья и прокурор задавали ей вопросы так, что она могла отказаться от своих слов. Луиза выдержала перекрестный допрос и продолжала утверждать, что не ее жених, а она составила эти планы. Ее признали виновной и приговорили не к длительному заключению, как она полагала, а к смертной казни. Из зала суда ее отправили в камеру смертников Схевенингенской тюрьмы, известной голландцам под названием «Апельсиновая гостиница». (И хотя Луиза взяла, вину жениха на себя, позднее его тоже судили, признали виновным и казнили.)

Шесть недель держали ее в камере смертников. На минуту представьте себе ее положение. Смелая и образованная девушка, любящая жизнь, готовила себя к длительному заключению. Но судьба оказалась более жестокой к ней, чем она предполагала. Будучи осужденной на смерть, провести в одиночной камере смертников шесть длинных недель в ожидании минуты, когда послышатся шаги в коридоре, дверь в камеру распахнется и войдут палачи, — жестокое испытание, которое выдержит далеко не каждый. А для Луизы это было особенно тяжело, так как ни ее друзьям, ни родственникам не разрешали свидания с ней. Только

человек с живым воображением может смутно представить себе, что пришлось пережить Луизе.

Пришла суровая зима 1940 года. Каждый день мать Луизы, взяв корзинку с провизией и теплыми вещами, шла к тюрьме. Там она вместе с тысячами ей подобных часами простаивала на морозе, надеясь, что немцы разрешат ей хоть что-нибудь передать дочери или повидаться с ней. Но двери тюрьмы были закрыты для нее.

Отец Луизы, естественно, пытался использовать свое влияние. Он тогда был президентом крупной коммерческой компании и собирался выступить с отчетом на ежегодном собрании акционеров. Пытаясь задобрить немцев, которым, откровенно говоря, он симпатизировал, он произнес на этом собрании речь, которая носила ярко выраженный пронемецкий характер. Он даже пошел дальше — отпечатав речь, разослал ее представителям немецких властей, которые решали судьбу его дочери.

Я, правда, сомневаюсь, чтобы эти действия отца Луизы в какой-то мере повлияли на немцев. Однако через шесть недель смертная казнь была заменена пятнадцатью годами каторжных работ. Захваченные у немцев документы, о которых я уже упоминал и которые после войны тщательно изучил, говорят о том, что Луиза всем этим обязана тому благоприятному впечатлению, которое она произвела на процессе на председателя суда. Как и большинство людей, которым приходилось встречаться с Луизой, председатель был очарован ее красотой, но в своем отчете он восхищался ее прямоотой, ясностью ответов на все его вопросы и указывал, что со стороны подсудимой не было попыток увильнуть от ответственности за совершенные преступления. Отмечая смелость Луизы, он назвал ее истинной патриоткой.

Итак, Луиза должна была провести в тюрьме свои лучшие молодые годы. Чиновник гестапо, некий герр Ларх, отвез Луизу в Амстердам, где надо было выполнить мелкие формальности, связанные с изменением судебного приговора. На другой день он посадил Луизу на поезд, идущий в Германию, где она должна была отбыть срок своего заключения.

Герр Ларх был очередной жертвой магической красоты Луизы. В Амстердаме он угостил ее обедом в шикарном ресторане и хорошо обращался с ней. И хотя герр Ларх, дисциплинированный гестаповский офицер, верил, что «все важное и удивительное» идет от Адольфа Гитлера, он все же посоветовал Луизе по прибытии в Германию сделать вид, что она изменила свои взгляды и считает национал-социализм единственно правильным учением. Это, объяснял он Луизе,

облегчит ее пребывание в тюрьме и, может быть, даже поможет выйти оттуда раньше срока. Этот случай говорит о способности Луизы приобретать друзей и влиять на людей. Закостенелый гестаповский офицер, всего сутки зная Луизу, пошел на то, чтобы дать ей, врагу своей родины, которого день назад ждала смертная казнь, такой совет.

III

Под охраной Луиза приехала в один из городов Вестфалии, где должна была работать на целлюлозной фабрике. С детства не привыкшая к труду, Луиза должна была целыми днями среди бесконечного шума и грохота машин простаивать у фабричного стола, слыша постоянные понукания надсмотрщиц, требующих работать быстрее. К вечеру девушка буквально валилась с ног. Работа оказалась для нее слишком тяжелой. Луиза все время имела дело с кислотой, которая необходима для производства целлюлозы, и поэтому у нее начали болеть глаза. Руки покрылись волдырями, с них начала слезать кожа, и скоро они покрылись открытыми ранами.

Вначале Луиза, как видно, не последовала совету герра Ларха. Скоро она заслужила славу трудной заключенной и ленивой работницы. Дважды ее на три недели сажали в темный подвал и давали только хлеб и воду. Первый раз ее наказали за порчу машин, второй — за устройство побега одной заключенной. Она слыла непокорной заключенной, и это вело к тому, что ее посылали на самые тяжелые работы, но она по-прежнему оставалась непреклонной. Все попытки сломить ее упорство не давали результатов.

Однако после шести месяцев работы на фабрике Луиза резко переменилась. Она стала послушной и с желанием работала на немцев. Однажды в субботу утром она обратилась к надсмотрщице с просьбой дать ей на воскресенье «Майн Кампф». Ее просьба была удовлетворена. Она читала эту толстую книгу с явным удовольствием и самые напыщенные выражения даже зачитывала вслух. Луиза действительно читала эту книгу очень внимательно, так как скоро начала обсуждать ее с надсмотрщицей, которая была очень рада, что такая образованная заключенная наконец-то стала на правильный путь. Кончив читать «Майн Кампф», Луиза попросила дать ей еще несколько подобных книг. Она читала их очень внимательно и скоро стала поражать надсмотрщиц знанием этих книг и, как казалось, своей преданностью нацизму. Вест о странном превращении

заклученной, которая вначале была одной из самых трудных, а теперь стала образцовой работницей и рьяной последовательницей нацизма, быстро распространилась по фабрике и дошла до ушей начальства. Луизу вызвал один из старших начальников тюрьмы, который после довольно продолжительной беседы пришел к выводу, что с ней действительно произошло удивительное превращение. Обо всем этом сообщили высокому начальству. Все официальные лица, которые беседовали с Луизой и задавали ей каверзные вопросы, в конце концов убеждались, что она прозрела. И вот после восемнадцати месяцев работы на фабрике Луизу освободили и направили в известную немецкую шпионскую школу «Зиргфлид», находящуюся в Голландии, в окрестностях Гааги. Истинная патриотка и активная участница Движения сопротивления теперь готовилась стать шпионкой, чтобы работать против своей родины. Немцы считали, что прозревшая преступница может принимать участие в создании Великой Германии.

IV

В шпионской школе Луизу подвергли очень тщательной проверке. Мастера шпионажа разочаровываются быстрее людей других профессий. Сталкиваясь с неожиданными превращениями людей, они прежде всего задают себе вопрос: «Кто от этого выигрывает?» В данном случае выигрывала Луиза. Изменив свои политические взгляды и поведение, Луиза избавилась от тяжелой работы на фабрике-тюрьме и приобрела некоторое подобие свободы. Шпионы, которым доверяют особо важные секреты, подвергаются очень тщательной проверке. Нельзя допустить, чтобы в их число попали предатели. Всей прошлой жизнью Луизы и ее теперешними взглядами интересовались два ведущих чиновника немецкой службы безопасности в Голландии — герр Шрейдер и герр Кнолле, о которых уже упоминалось при описании дела Гельдера. Они взвесили все факты. Отец Луизы был настроен пронемецки — факт в ее пользу. Но она являлась активной участницей Движения сопротивления — факт явно не в ее пользу. Первое время она была враждебно настроена к немцам — еще один факт против нее. Однако теперь она стала рьяной сторонницей нацизма — превращение явно в ее пользу, если это действительно так. Луиза обладала многими качествами, которые очень важны для шпиона, — имела образование, владела несколькими языками, была красива, смела и имела удивительное свойство покорять людей своей красотой и умом.

После многочисленных и долгих допросов герр Шрейдер и герр Кнолле встретились, чтобы сравнить свои выводы. Луиза, несомненно, обладала всеми теми качествами, которые могли бы помочь ей стать выдающейся немецкой шпионкой. Вся трудность заключалась в том, чтобы решить, была ли ее преданность нацизму искренней. Шрейдер сказал «да», Кнолле сказал «нет». Он даже пошел дальше и требовал, чтобы ее немедленно казнили. Он был уверен, что Луиза ведет с немцами двойную игру и говорит о своей преданности нацизму только для того, чтобы избавиться от работы на тюремной фабрике и стать тайным агентом немецкой секретной службы, а потом, узнав ее секреты, причинить ей колоссальный ущерб. Кнолле утверждал, что природа человека всегда остается неизменной. И если когда-то она была истинной патриоткой Голландии — об этом говорит ее участие в Движении сопротивления, — то она недостойна даже изучения такого вдохновенного труда, как «Майн Кампф». Но если она всегда только пользовалась удобным случаем и, вступая в ряды Движения сопротивления, плыла по течению, а теперь, когда обстановка изменилась, готова плыть по волнам нацизма, то не исключено, что при малейших изменениях обстановки в дальнейшем она снова изменит свои взгляды. В любом из этих случаев она опасна.

Подробности этого разговора неизвестны, и мы можем только предполагать, как он проходил. От решения этих двух ведущих специалистов немецкой разведки зависела жизнь Луизы. Шрейдер был за нее, Кнолле — против нее. Каждый из них считал себя достаточно проницательным и опытным судьей, чтобы упорно отстаивать свою точку зрения.

К счастью Луизы, Шрейдер был выше по положению, и решающее слово было за ним. Он находил превращение Луизы искренним и считал, что она должна без дальнейших проволочек пройти соответствующую подготовку, чтобы стать хорошей шпионкой. Небезынтересно заметить, что за короткое время Луиза заставила двух представителей немецкой разведки поразному смотреть на нее. История повторялась, и не только для немцев вставал вопрос: «Друг или враг?»

Итак, Луизу направили в немецкую шпионскую школу, находящуюся поблизости от Гааги, где девушка должна была пройти полный курс обучения. Прежде всего ее обучили азбуке Морзе и научили пользоваться портативным, но мощным радиопередатчиком. Затем на одной из ферм Восточной Голландии ее учили обращаться с оружием. И в скором времени Луиза владела многими видами огнестрельного оружия, начиная

с пистолета и кончая автоматом. Ее также обучили различным способам использования взрывчатых веществ. Следует отметить, что Луиза, обладавшая большими способностями в стрельбе, скоро стала отличным стрелком из пистолета. Она быстро обогнала в стрельбе всех учеников школы, в том числе и мужчин, и сравнилась со своими инструкторами. Один из ее трюков заключался в следующем: в воздух подбрасывали консервную банку, и Луиза успевала до того, как банка упадет на землю, поразить ее двумя — тремя выстрелами, держа пистолет у бедра.

Успешно пройдя курс, Луиза вернулась в шпионскую школу, чтобы закончить обучение. Теперь она должна была изучить тайнопись с помощью невидимых чернил, научиться различать типы самолетов и кораблей и пройти ряд, испытаний, которым подвергали слушателей этой школы для проверки их знаний, находчивости и способности быстро действовать.

На этой стадии обучения произошло два странных случая. Луиза подружилась с двумя слушателями школы, которые оказались истинными голландскими патриотами и попали в эту школу, обманув немцев. Эти голландцы были активными участниками Движения сопротивления. Они рассчитывали, если их не раскроют раньше времени, использовать знания, полученные в шпионской школе, в борьбе с немецкими оккупантами. Это были отважные и честные люди. Их дружба с Луизой незаметно для других быстро крепла, как это часто бывает в самые ответственные моменты жизни, когда один неправильный шаг может привести к гибели. В противоположность Шрейдеру они были уверены, что Луиза такая же патриотка, как и они. В этот период войны (была осень 1942 года) обстановка складывалась явно не в пользу союзников: Роммель громил 8-ю армию, а немецкие танковые дивизии подошли вплотную к берегам Волги. Битва за Атлантику разворачивалась также в пользу немецких подводных лодок. Но и два голландских патриота и Луиза твердо верили в победу союзников. Они даже договорились встретиться в третье воскресенье после освобождения Голландии в одном из ресторанов Антверпена, чтобы отпраздновать эту победу.

Дружба Луизы с голландскими патриотами и ее неиссякаемая вера в победу союзников служили лучшим доказательством того, что она оставалась истинной патриоткой и что ее неожиданный поворот к нацизму был только хитрым ходом.

Если бы Луиза действительно верила в нацизм, ей незачем было бы завязывать дружбу с голландскими агентами-двойниками, так как она могла поплатиться за это жизнью, если бы их раскрыли. И конечно, у нее и в мыслях не было втереться к

ним в доверие, чтобы потом выдать их. У нее было достаточно времени сделать это, но она ни словом, ни жестом не выдала их. Молодые голландцы были умными и смелыми людьми, иначе они не прожили бы в школе и трех дней, играя такую опасную роль.

Но во всей этой истории с Луизой были и темные пятна. Некоторые обстоятельства говорили не в пользу Луизы. Очень странной, например, выглядит связь Луизы с инструктором шпионской школы, который обучал ее тайнописи. Это был образец настоящего мужчины. Правда, их любовь была чувственной и продолжалась недолго. Однако трудно представить себе, как в условиях той замкнутой жизни, которую вели слушатели шпионской школы, инструктор и слушательница могли встречаться в интимной обстановке и не привлечь внимания окружающих. Дисциплина в этой школе была очень строгая, типично немецкая. Если бы эту связь раскрыли, и инструктор и слушательница немедленно были бы отчислены из школы, а может быть, их подвергли бы и более строгому наказанию. Как я уже упоминал в начале главы, для Луизы это была не первая любовная связь. И трудно поверить, что на этот раз она по-настоящему влюбилась. Но, по-видимому, в какой-то степени Луиза все же любила этого немца. А это говорит о том, что в душе она не была враждебно настроена к немцам. Она не была проституткой или нимфоманкой. Вся ее прошлая жизнь и ее характер отрицают это. Но обращает на себя внимание тот факт, что, договариваясь со своими друзьями голландцами встретиться после войны, чтобы отпраздновать победу над нацизмом, она в то же самое время встречалась с ярым нацистом. На первый взгляд это противоречие в поведении Луизы покажется странным любому человеку, который стал бы разбирать ее дело.

Я веду читателя по тому же пути, по которому шел сам при расследовании интересного и запутанного дела Луизы. Я не хочу сейчас навязывать читателю свою точку зрения: пусть он составит свое собственное мнение о Луизе. Дело Луизы — прекрасный пример того, как трудно иногда решить вопрос: «Друг или враг?» Но, выступая сейчас как бы в роли судьи, который должен помочь членам суда разобраться в деле, я хочу оставить за собой право иногда высказывать свой взгляд на те или иные моменты, чтобы помочь читателю прийти к определенному заключению.

За короткое время Луиза пережила столько, сколько другой не пережил за всю свою жизнь. Являясь активной участницей Движения сопротивления, Луиза каждую минуту рисковала жизнью. Шесть недель провела она в камере для смертников и несколько месяцев на фабрике-тюрьме. Когда ее освободили, над ней снова нависла угроза смерти: Шрейдер и Кнолле решали ее

судьбу. Затем идут месяцы нелегкой жизни в немецкой шпионской школе. Больше двух лет жить на нервах! Только тупая и бессердечная женщина могла остаться равнодушной после всех этих переживаний. Луизе же, страстной по натуре, нужна была отдушина, ею и явилась связь с инструктором. В объятиях этого немца Луиза находила временное облегчение. Когда расследовалось ее дело, она добровольно рассказала об этой связи, иначе никто и не знал бы о ней. По ее признанию, она никогда не питала к этому немцу серьезного чувства. Во время войны тысячи женщин в Европе, разлученных со своими мужьями, которые надели военную форму, попадали в подобное положение. Но ни одна из них не испытала того, что пришлось испытать Луизе.

V

Луиза окончила школу с отличием и немедленно должна была приступить к исполнению своих шпионских обязанностей. В начале 1944 года Луиза уехала в Берлин, где два дня ждала назначения. Затем она вылетела в Рим вместе с немецким подполковником, руководителем немецкой разведки в Италии. Он-то и был ее новым начальником. Нацисты понимали, что пройдет несколько недель — и Рим падет под натиском английских и американских армий. Уже более шести месяцев немецкие войска под командованием маршала Кессельринга искусно вели оборонительные бои, умело используя горные цепи и реки, с востока на запад пересекавшие узкий итальянский полуостров, но всякий раз им приходилось откатываться все дальше и дальше под давлением превосходящих сил союзников. И поскольку силы немцев в Италии быстро таяли — ряд дивизий непрерывно перебрасывали на укрепление Восточного и Западного фронтов, — было очевидно, что немцы не смогут воспрепятствовать союзникам овладеть Римом. Луиза как агент должна была остаться в этом городе после занятия его союзниками. В ее задачу входило передавать с помощью мощного радиопередатчика добытую ею информацию о расположении важных штабов, составе и расположении войск союзников и о количестве самолетов и танков, находящихся в их распоряжении. Для Луизы, начинающей шпионки, это было трудное задание. Однако этот факт говорит о том, как высоко ставили немцы ее способности.

В Риме в распоряжение Луизы предоставили роскошную виллу со служанкой, поваром и двумя слугами. Скоро она была

принята в «высшем свете», где встречалась с немецкими штабными офицерами высоких рангов. Луизу, интересную и умную девушку, приглашали на все вечеринки и светские приемы, которые устраивались в Риме немецкими военными и гражданскими властями. Луиза тоже устраивала приемы. Вскоре она стала одной из самых очаровательных женщин в этом неестественно веселом обществе, которое, по-видимому, находилось в истерике: приближение танков союзников по Апеннинской дороге напоминало о возможности в скором времени увидеть Рим в огне.

Но вот в жизни Луизы произошел глубокий перелом, который сильно повлиял на все последующие события. Она вступила в любовную связь со своим начальником, немецким подполковником. Этот подполковник, умный и интересный мужчина, был честным человеком, добросовестно выполнявшим свои обязанности. Следует заметить, что приближалось время, когда Луиза должна была начать действовать, и это, естественно, явилось причиной большого нервного напряжения. Не был спокойным и подполковник, и понятно, что в такой обстановке случайный взгляд, жест, незаконченная фраза, сказанная при прощании у виллы Луизы после возвращения с веселой вечеринки, могли вызвать вспышку страсти.

С юга стремительно приближались армии союзников. Приближалась и чудесная итальянская весна. Немцы уже объявили порядок эвакуации города и отвода своих сил на север. Подполковник тоже должен был уехать. В последний момент он заколебался. Он не мог примириться с мыслью, что сам он уедет в безопасное место, а Луизу оставит в горящем городе. Подполковник, несмотря на свою дисциплинированность и воспитанную годами привычку к самоотречению, был готов пожертвовать своей карьерой и увезти Луизу с собой. По-видимому, он очень сильно любил ее.

Нетрудно представить, что происходило на вилле у Луизы. Чувство долга боролось в подполковнике с вкрадывающимися сомнениями: оставление Рима плохо вязалось с громкими заявлениями о непобедимости немцев. Подполковник умолял Луизу бросить все и уехать с ним. Он грозил ей, приказывал. Но все было бесполезно. Эвакуация близилась к концу, подполковник становился все настойчивее. Но Луиза не сдавалась. В какой-то момент у него даже появилась мысль остаться с ней. Но он понимал, что такой поступок с его стороны не только испортит его военную карьеру, но и погубит Луизу, так как союзники сразу поймут, что Луиза — немецкая шпионка. Подполковник в последний раз обнял Луизу, на прощанье сказав ей, что скоро они

увидятся снова... Итак, Луиза осталась в городе, который нервно ждал вступления союзников.

VI

6 мая 1944 года танки союзников с грохотом вошли в Рим, объявленный открытым городом. Юркие джипы сновали вдоль колонн грузовиков с почерневшими под жарким итальянским солнцем пехотинцами, которые с любопытством оглядывались по сторонам. Вокруг грузовиков толпились кричащие и оживленно жестикулирующие люди, те самые люди, которые когда-то приветствовали гордых и считавшихся непобедимыми немцев, а теперь, так же громко крича, приветствовали солдат, изгнавших немцев. Это была действительно странная война.

Передовые части охранения, пройдя весь город, заняли позиции к северу от Рима. Для них еще не пришло время насладиться прелестями цивилизованной жизни в великой столице. Но город был переполнен солдатами и офицерами менее подвижных штабов. Всем им нужны были дома, кабинеты для бесчисленных папок с бумагами, столы и стулья для работы и, конечно, рестораны и кабаре. В одном из роскошных особняков расположился штаб английской военной разведки. Едва работники штаба распаковали карты, чтобы начать готовиться к предстоящим операциям, как к ним явилась посетительница. Это была Луиза.

На безупречном английском языке она попросила отвести ее к дежурному офицеру. Еще не пришедший в себя дежурный офицер был окончательно сбит с толку заявлением странной посетительницы:

«Я немецкая шпионка. Немцы оставили меня в Риме собирать информацию и передавать ее им с помощью радиопередатчика. Но я ненавижу немцев. Я одурачила их, чтобы попасть к ним в доверие. Снабдите меня ложной информацией, которая могла бы ввести немцев в заблуждение, и я с радостью передам ее им».

Подобное заявление, да еще из уст очаровательной посетительницы, которая говорила все это, как казалось, вполне серьезно, смутило бы и более выдержанного и сообразительного человека.

Но сменить хозяев было не так легко, как казалось Луизе. Ее приняли за агента-двойника. Английские офицеры разведки были не настолько доверчивы, чтобы, не раздумывая, принять такое предложение. Сначала они хотели убедиться в ее искренности. Ведь такой агент-двойник мог оказаться агентом-тройником.

Вполне возможно, что она хочет обмануть англичан, стремясь завоевать их доверие. Конечно, это был рискованный ход для нее, но разумный с точки зрения фанатичных нацистов.

Итак, вместо того чтобы с благодарностью принять такое предложение, английская разведка задержала Луизу и установила за ней наблюдение. С ней, правда, обращались не как с арестованной, а как с «гостьей». Луиза общалась с английскими и американскими офицерами, и ее даже приглашали на вечера и светские приемы в те виллы и отели, где несколько дней назад она танцевала с немцами. Однако она не была хозяйкой самой себе. Куда бы она ни шла, ее сопровождал офицер разведки. Либеральность методов работы английской разведки может вызвать удивление. Но старшие офицеры разведки совершенно правильно решили, что такая умная и привлекательная девушка, как Луиза, скорее выдаст себя в непринужденной обстановке, чем во время прямого допроса. Они постоянно наблюдали за ней и задавали ей самые различные вопросы именно в такие моменты, когда она меньше всего была настороже.

Луизу, конечно, подвергли и прямому допросу. Она охотно рассказала свою историю, в том числе и о любовной связи с инструктором шпионской школы неподалеку от Гааги и о более серьезных отношениях со своим непосредственным начальником в Риме. Она ничего не скрывала, одинаково охотно рассказывая о всех фактах, независимо от того, были ли они в ее пользу или против нее.

Эта обезоруживающая честность Луизы в какой-то степени доказывала ее невиновность. Мне могут возразить, что настоящий шпион стал бы рассказывать только о фактах, которые были в его пользу. Но нельзя забывать, что Луиза была очень умной женщиной. Она знала, что ее показания тщательно проверят, что могут даже допросить слуг на ее бывшей вилле и они, конечно, расскажут о ее любовнике. Его не раз видели вместе с Луизой на приемах и вечерах, и вокруг них ходило немало слухов, и рано или поздно эти слухи должны были дойти до ушей английской разведки. Даже ее роман в шпионской школе мог быть известен разведке. Как умная женщина, Луиза понимала, что, как только Голландия будет освобождена и ее два друга голландца выйдут из подполья, они сочтут своим долгом рассказать о Луизе всю правду. Из курса, пройденного в шпионской школе, она знала, что английская разведка протянула свои щупальцы через весь континент.

После нескольких недель наблюдения за Луизой английская разведка решила провести эксперимент. Луизе вернули радиопередатчик и снабдили ее ложной информацией, которую

она должна была передать немцам. Во время передачи за ней все время наблюдал английский специалист в области радио. Луиза передала все пять сообщений. Во время передачи двух из них присутствовал один специалист, а во время передачи трех остальных — другой. Этот второй специалист ничего нового сказать о ней не мог. По его словам, она во всем следовала его указаниям. Правда, во время второй передачи, добавил он, она дважды прибавила к тексту букву Z.

Этот факт неискушенному читателю может показаться незаслуживающим внимания, но английская разведка придала ему очень большое значение. Немцы могли предвидеть, что Луиза попадет в руки союзников и что ее могут заставить передать ложную информацию. И, может быть, они заранее условились с ней о сигнале, который, не изменяя текста, предупреждал, что передаваемая информация является фальшивкой. Вполне возможно, что два добавочных Z и служили таким сигналом. И если это было действительно так, то Луиза, несмотря на все ее заверения и добровольную сдачу англичанам, оставалась немецкой шпионкой. Луизу немедленно арестовали, но тем не менее дали возможность написать объяснение. Ее детальное и технически обоснованное объяснение заняло тридцать мелко исписанных страниц. (Луиза сохранила копию этого документа и передала ее мне, когда я допрашивал ее.) В этом документе она писала, что радиодело было одним из многих предметов, которые ей пришлось изучать в шпионской школе. Она имела очень небольшую практику в передаче и приеме по радио кодированных сообщений, а за те несколько месяцев, которые прошли с момента окончания школы, она многое забыла. Кроме того, она указывала, что буква Z азбуки Морзе очень похожа на букву, имевшуюся в тексте, и жаловалась на плохое состояние передатчика. Если буква Z явилась предупреждением для немцев, что передаваемое ею сообщение является ложным, доказывала она позднее, то вряд ли она ограничилась бы передачей этой буквы только в одном тексте. Луиза уверяла, что допущенные ею две ошибки сделаны совершенно случайно.

Интересно, что другие специалисты, которые позже внимательно изучили объяснение Луизы, были поражены его убедительностью и ясностью. Они даже заявили, что такой документ был бы достаточным для любого английского суда. Но в военное время, даже если вину того или иного лица не удавалось полностью доказать, это не означало, что с него автоматически снимались все обвинения. Во время войны и не требовалось доказывать виновность подозреваемого, наоборот, он (или она) должен был сам доказывать свою невиновность. Английская

разведка в Риме пришла к заключению, что Луиза не смогла достаточно убедительно доказать свою невиновность. И пока оставалась хоть тень сомнения в отношении ее невиновности, было опасно использовать ее в качестве агента-двойника. В октябре 1944 года Луизу самолетом отправили в Лондон, где поместили в специальное отделение женской тюрьмы. Там ее неоднократно допрашивали следователи английской контрразведки. Они подозревали, что Луиза является немецким агентом-двойником, но еще не пришли к окончательному заключению. Вскоре они решили, что ее соотечественник, опытный контрразведчик, сможет скорее разобраться в ее деле. Поэтому они обратились к голландским властям в Лондоне и попросили передать дело Луизы на расследование кому-либо из голландских контрразведчиков. Но в Лондоне в то время не оказалось достаточно опытного голландского контрразведчика, и поэтому лондонские власти послали запрос в Голландию. В то время я был прикомандирован к главному штабу экспедиционных сил союзников и напряженно работал в Голландии и Бельгии. Как раз в это время я пытался напасть на след Христиана Линдеманса, арнемского предателя. Я не мог сразу бросить все свои дела, а другого человека, который мог бы расследовать дело Луизы, в Лондоне не оказалось, поэтому Луизу оставили в тюрьме до моего возвращения в Лондон.

Как правило, женщины-заключенные, которые были осуждены за явные преступления, отбывали срок своего заключения в обычных тюремных условиях. Их помещали в камеры, где они выполняли определенные работы, разрешенные в тюрьме. Но «специальные заключенные» жили в отдельном крыле тюрьмы, которое скорее напоминало небольшую гостиницу, чем тюрьму. Заключенных там содержали не в камерах, а в отдельных хорошо обставленных комнатах. Заключенные в любое время могли встречаться в, большой гостиной, беседовать, играть в карты и петь под аккомпанемент рояля. Им разрешалось в любое время дня ходить друг к другу в гости и вообще по всему крылу, а также разводить цветы и выращивать фрукты и ягоды на тюремном участке (но здесь были ограничения).

Кроме того, «специальные заключенные» носили не тюремную одежду, а свое собственное платье, и это было очень важно с психологической точки зрения, особенно для женщин. Заключенные могли также употреблять косметику и курить. Тем, кто имел деньги, разрешалось открыть счет в банке. Через своих горничных заключенные могли покупать книги, сигареты и предметы косметики. Голландское правительство в Лондоне разрешило Луизе покупать и некоторые предметы роскоши,

которые так много значат для женщин, особенно для таких молодых и красивых, как она,

Таким образом, условия, созданные для «специальных заключенных», были намного лучше тех, в которых содержались обычные заключенные. Но и позолоченная клетка остается клеткой. На мой взгляд, женщины до сих пор не приобрели «общественных» качеств мужчины. Они обычно затевают мелкие ссоры и интриги и быстро разделяются на враждующие группы. Из-за ничего возникают новые ссоры, и без видимых причин развивается взаимная ненависть. В нормальных условиях это не так страшно, но если женщины не имеют определенных занятий, последствия могут быть очень серьезными. «Специальные заключенные», я говорю о женщинах, имели массу свободного времени. Многие из них жили на нервах или же были морально неустойчивыми, о чем говорили их политические взгляды. В общем, женщины жили в накаленной атмосфере, и было достаточно одного необдуманного слова или жеста, чтобы вспыхнул пожар. Так, несколько женщин, как мне стало известно позже, соперничали, стремясь добиться расположения Луизы, которая своей красотой и таинственностью положения быстро привлекла всеобщее внимание. Те из них, которых она отвергла, стали ее врагами и делали все возможное, чтобы отравить ей жизнь. Нервы у Луизы были напряжены до предела, и это объяснялось тем, что она находилась в полной неизвестности. А мелкие и пустые ссоры только усиливали ее нервное напряжение.

Те, кто читал мою книгу «Охотник за шпионами», вероятно, помнят, что долгое время я вел напряженную работу, очень много ездил и в результате зимой 1944 года мое здоровье сильно пошатнулось. Армейский врач нашел у меня быстро прогрессирующий рак и сказал, что мне осталось жить всего несколько месяцев. Я сразу же вылетел в Лондон, чтобы привести в порядок свои дела. Однако мой лечащий врач опроверг диагноз, поставленный армейским врачом. Несколько месяцев настоящего отдыха поставили меня на ноги.

К марту 1944 года я чувствовал себя значительно лучше, и меня даже стало раздражать вынужденное безделье. Война близилась к концу, а я сидел в Лондоне, рискуя пропустить самое интересное. Я написал рапорт командованию, в котором просил дать мне в Лондоне какую-нибудь нетрудную работу, пока здоровье мое окончательно не восстановится и я не смогу выехать в зону боев. Мне поручили расследовать дело Луизы, которую все еще держали в тюрьме. В сопровождении высокопоставленного голландского чиновника, который в дальнейшем присутствовал на всех допросах Луизы, я отправился в тюрьму, где имел с ней

первую беседу.

Перед этим я бегло ознакомился с ее делом по досье, которое было прислано из Рима. Однако я всегда считал, что не имеет смысла знакомиться с деталями дела подозреваемого до первого допроса. Ведь известно, что даже очень опытные наблюдатели редко представляют объективные донесения. Любое донесение в той или иной степени отражает личные взгляды человека, составившего его. Поэтому, знакомясь с каким-нибудь делом по документам, составленным кем-то, вы рискуете попасть под влияние выраженных в них взглядов и начать следствие, имея предвзятое мнение. Вот почему из написанных донесений я всегда предпочитал брать только суть дела, которая служила основой для допроса. Итак, я знал суть дела Луизы, но никак не ожидал увидеть то, что увидел, войдя в комнату для допросов. Луиза действительно была поразительно красива. Чувствовалось, что она очень следила за собой, и поэтому выглядела прекрасно. Ее скромная прическа еще более подчеркивала красоту ее лица. На ней было очень простое платье, но оно удивительно шло к ней. Легкий и приятный запах ее духов наполнял комнату. Она поздоровалась с нами с уверенностью хозяйки, принимающей гостей в своем доме. Я невольно вспомнил, что около трех лет она находилась под арестом, а более двух лет провела в закрытой шпионской школе, где ей дважды грозила смерть. Все это время она находилась в состоянии такого сильного нервного напряжения, которое могло свести с ума любого человека. И я не верил своим глазам, видя достоинство, с которым она держалась.

Из первой беседы, которая длилась несколько часов, я узнал о всех тех фактах, которые изложены в этой главе. Луиза не пыталась уклониться от ответа, когда мои вопросы были слишком прямыми. Она подробно рассказала мне о своих любовных связях — с инструктором шпионской школы и с ее непосредственным начальником в Риме. Она не пыталась умалить значение этих фактов, которые были явно не в ее пользу, но на протяжении всей нашей беседы хладнокровно и упорно настаивала, что, хотя факты и против нее, она никогда не верила в победу Германии и не делала ничего, чтобы помочь немцам.

Я допрашивал Луизу несколько раз, чтобы уточнить некоторые детали, оставшиеся неясными после первой беседы, и чтобы заставить ее повторить свой рассказ снова: она могла допустить незначительную неточность и это говорило бы о том, что ее рассказ в какой-то степени является вымыслом. Но она повторяла одну и ту же историю, несмотря на мои попытки поколебать ее уверенность в себе. И чем больше деталей я узнавал, тем больше я понимал, каким запутанным и даже

неразрешимым было дело Луизы. В фактах, которые говорили в ее пользу, имелись детали, которые были против нее, и наоборот, в отрицательных фактах было что-то, говорившее в ее пользу. После долгих размышлений я пришел к выводу, что это дело останется нерешенным. Я не мог ответить на вопрос «друг или враг?» и поэтому решил пока оставить это дело. 15 мая 1945 года я вылетел в Голландию, чтобы доложить, что я здоров и готов приступить к исполнению своих обязанностей. Война в Европе только что кончилась, и штаб главного командования союзных войск больше не нуждался во мне. Поэтому меня назначили начальником отдела по расследованию «специальных дел» в бюро национальной безопасности Голландии, которое находилось в стадии комплектования. Схевенингенская тюрьма, в которую четыре с половиной года назад немцы заключили Луизу, находилась в ведении канадской администрации. В одном из корпусов этой тюрьмы я и расследовал «специальные дела». Это были дела об агентах-двойниках, участниках пятой колонны, известных предателях и коллаборационистах. В одну из камер этого корпуса позднее заключили Линдемана, который предупредил немцев о высадке парашютного десанта в Арнеме. Являясь начальником отдела по расследованию самых трудных и важных дел, я был единственным голландцем, которому разрешалось входить в «Апельсиновую гостиницу», как называли эту тюрьму.

Проводя предварительные расследования в отведенном мне корпусе тюрьмы, я случайно наткнулся на двух голландцев, которые вместе с Луизой учились в шпионской школе. Их еще не оправдали, так как было известно, что они «добровольно» перешли на сторону немцев. Я допросил по отдельности каждого из них, и они подтвердили, что действительно условились встретиться в ресторане в третье воскресенье после освобождения Голландии, чтобы отметить это знаменательное событие. (Голландия действительно была освобождена, но по иронии судьбы эта встреча не состоялась, ибо все трое, из которых по меньшей мере двое были истинными патриотами, сидели за решеткой: голландцы — в Схевенингенской тюрьме, а Луиза — в Холловейской.)

Голландцы не только подтвердили слова Луизы, но и очень хорошо отзывались о ней. Они были уверены, что Луиза в период пребывания в шпионской школе оставалась истинной патриоткой и с нетерпением ждала разгрома немцев. Они знали о ее связи с инструктором-немцем, но не придавали этому факту никакого значения.

Показания голландцев говорили явно в пользу Луизы, но я не

сомневался, что следователи из МІ-5 согласятся, что она оставалась истинной патриоткой только до прибытия в Рим, где влюбилась в начальника немецкой разведки. Нерешенным оставался один вопрос: насколько сильным было его влияние?

VII

Я вылетел в Лондон, чтобы продолжить расследование дела Луизы. К этому времени я окончательно убедился, что распутать это сложное дело можно только на психологической почве. Проникнуть в душу Луизы, проанализировать все мотивы, которыми она руководствовалась и которых сама не понимала, — таков был мой путь. Поэтому я еще несколько раз посетил Луизу вместе с высокопоставленным голландским чиновником, о котором упоминал раньше. Я разрешал Луизе часами говорить на посторонние темы — о литературе, философии, о ее детстве. Специалисты психоанализа давно пришли к выводу, что человек вольно или невольно раскрывает себя, говоря о себе. Но специалисты психоанализа имеют преимущество: их пациенты обычно приходят к ним сами: кроме того, такие специалисты беседуют со своими пациентами в роскошных кабинетах в атмосфере спокойствия. Я же оказался в очень невыгодном положении: Луиза все время была настороже. Да и решетки на окнах играли свою роль. Однако терпение помогло мне ослабить ее недоверие ко мне. Большую роль сыграло и то, что, являясь соотечественником Луизы, я готов был слушать ее без конца. Четыре года быть настороже! Не говорить с соотечественниками! Вскоре я почувствовал, что нервное напряжение, которое скрывалось за приятными манерами и удивительной внешностью Луизы, постепенно ослабло, и она стала относиться ко мне, как к своему духовнику.

Через несколько недель я уже достаточно знал о Луизе, чтобы принять определенное решение по ее делу.

Я изложил читателям все факты, чтобы они могли судить, насколько правильными были мои рассуждения, помня, однако, что в военное время поступки людей не всегда логичны.

Чтобы судить о человеке, надо знать его: только тогда можно понять, чем он руководствовался, совершая те или иные поступки. Однако читатель, к сожалению, находится в особом положении.

Я закрылся в своем кабинете, отказавшись принимать кого бы то ни было, и стал размышлять над делом Луизы. У меня не было никаких записей, но благодаря своей удивительной памяти я

держал в голове все факты. Я рассуждал так.

А. Следователи из MI-5 и английская разведка в Риме признавали, что Луиза до своего прибытия в Рим была истинной патриоткой. Я был согласен с ними. Она, по-видимому, последовала совету герра Ларха притвориться уверовавшей в нацистскую философию, чтобы сократить срок тюремного заключения. За поведение Луизы в шпионской школе, несмотря на ее связь с инструктором, ручались ее соотечественники.

Б. Она отказалась бежать из Рима с любовником-немцем. Факт в ее пользу.

В. Однако кто знает, что она действительно отказалась бежать с ним? Вполне возможно, что он и не предлагал ей бежать. Тогда пункт «В» исключает вывод, сделанный в пункте «Б». Зайдя в тупик, я вернулся к другим моментам.

Г. Предположим худшее — Луиза была нацистской шпионкой и находилась под влиянием своего любовника — немецкого офицера. Но почему тогда она сразу же явилась к английским военным властям?

Поступив так, она рисковала очутиться за решеткой и лишалась всякой возможности передавать немцам информацию. Будучи очень умной девушкой, она прекрасно понимала, что за ней будут постоянно следить и что она не сможет тайно пользоваться своим передатчиком.

Д. Если Луиза действительно являлась немецкой шпионкой, то шаг, который она сделала, был наихудшим, учитывая причины, указанные в пункте «Г». Для нее, немецкой шпионки, оставалось только два пути:

1. Пытаться посылать донесения в соответствии с полученными инструкциями.

2. Ничего не делать, если в последний момент у нее не выдержат нервы. Но если бы в последний момент у нее действительно не выдержали нервы, она не отказалась бы от предложения бежать, допуская, что ее любовник делал ей такое предложение.

Е. В моем рассуждении есть одно слабое место. Умная девушка, Луиза прекрасно понимала, что ей нельзя сидеть сложа руки: ведь почти все знакомые итальянцы знали о ее близких отношениях с немецким подполковником. И они, конечно, рассказали бы об этом английской разведке, которая немедленно допросила бы Луизу. Поэтому ее своевременная добровольная явка в английскую разведку была умным шагом с ее стороны, но в то же время свидетельствовала о том, что Луиза являлась немецкой шпионкой.

Ж. Есть аргумент, который опровергает предыдущий вывод.

Если бы Луиза ничего не делала, дожидаясь, когда ее схватит английская разведка, то в этом случае на допросе ей нужно было сказать следующее: «Да, я согласилась остаться здесь в качестве немецкого тайного агента: у меня не было иного выбора. Но с того времени, как немцы оставили город, я не послала им ни одного сообщения, это может подтвердить ваша служба радиоподслушивания. Я уничтожила передатчик, как только ушли немцы. (Безусловно, она должна была сделать это в присутствии надежных свидетелей.) Мне казалось, что для меня было лучше всего дождаться, когда вы сами найдете меня». Потом она могла бы рассказать о себе: о подпольной работе, смертном приговоре, замененном принудительным трудом, об уловке, к которой она прибегла, чтобы заслужить доверие нацистов, о немецкой школе шпионажа и так далее. Все факты говорили бы в ее пользу, и, несомненно, английская разведка поверила бы ей.

Читатель, вероятно, уже понял, что в своих рассуждениях я пользуюсь методом исключений: если Луиза являлась немецкой шпионкой, она не должна была являться в английскую разведку сразу же после того, как союзные войска заняли Рим. Такой поступок был бы опрометчивым с ее стороны и не вязался бы со всеми ее расчетливыми и умными действиями, если исключить, что она искренне хотела помочь союзникам, предоставив в их распоряжение себя и всю ту ценную информацию, которой обладала. Однако два существенных факта говорили против нее. Один — передача дважды буквы Z в одном из пяти радиосообщений; другой — ее любовная связь с немецким подполковником. Я решил сосредоточить свое внимание на этих фактах.

В пользу Луизы говорил тот факт, что четыре из пяти сообщений, переданных ею, были одобрены. Вполне возможно, что ошибки она сделала по неопытности или потому, что радиопередатчик был неисправен. И с этой точки зрения ее объяснение в защиту себя звучит правдоподобно. Но допустим худшее: Луиза — немецкая шпионка — сознательно передала эти две буквы. Эти буквы могли предупредить немцев, что Луиза попала в руки союзников и что поэтому переданное ею сообщение не следует принимать во внимание. Но это была бы только пассивная помощь немцам. И если данное предположение верно, то почему же тогда она исказила только одно сообщение? Кажется невероятным, что хорошо подготовленный и решительный тайный агент, который всегда действовал очень умно, мог допустить, чтобы его хозяева думали, что четыре сообщения из пяти были правильными и только одно — ложным. Следует заметить, что предполагаемое предупреждение немцам

было сделано только во время передачи четвертого сообщения. Если бы Луиза действительно была немецким тайным агентом, она раньше предупредила бы своих хозяев, что передает ложные сообщения и делает это по принуждению. Другими словами, эту букву Z она передала бы в первом или, в крайнем случае, во втором сообщении. Если Луиза — немецкая шпионка, тогда почему она медлила с передачей предупреждения немцам? Таким образом, логика на стороне Луизы: она не немецкая шпионка.

Теперь мы подошли к последнему моменту — ее любовной связи с немецким офицером. Эта связь, по словам Луизы, была следствием не только физического влечения, но и чувств. Луиза призналась мне, что она «жаждала этой любви». Но разве женщина может любить мужчину и не одобрять его принципов и взглядов? Здесь есть некоторая натянутость, но она останется, если допустить, что женщина часто влюбляется в мужчину независимо от его взглядов и убеждений. Существует много дружных супружеских пар, где муж и жена любят друг друга, но где он голосует за консерваторов, а она — за лейбористов. Каждый, вероятно, знает немало счастливых супружеских пар, где мужья увлекаются гольфом или играют в бридж, тогда как их жены не могут отличить первого от второго. Нередки случаи, когда католички вступают в брак с протестантами. Короче говоря, женщина влюбляется в мужчину независимо от его убеждений.

Мне кажется, что любовная связь Луизы с немецким подполковником была для нее своего рода отдушиной. Все говорит за то, что в действительности она не любила подполковника. Если бы Луиза любила его, она вряд ли говорила бы о нем так прямо. Связь с ярым нацистом была для Луизы своего рода спасательным поясом в этом море переживаний, а не чем-то глубоким и постоянным, что могло бы в корне изменить ее взгляды. Таков был мой окончательный вывод.

После нескольких дней размышлений я пришел к заключению, что Луиза истинная патриотка, а не немецкий тайный агент, и рекомендовал голландскому правительству ходатайствовать перед английскими властями об ее освобождении.

VIII

Однако английские власти не разделяли полностью мою точку зрения. (Следует заметить, что, хотя в то время я не сомневался в искренности Луизы, факты, на которых я построил свою теорию, позволяли делать самые различные выводы. Они

давали возможность придерживаться точки зрения, диаметрально противоположной моей.) И хотя голландские власти дополнили свое ходатайство моей длинной нотой, английская контрразведка считала, что подозрения с Луизы еще не могут быть сняты. Однако после длительной переписки английские власти согласились освободить ее при условии, что она немедленно вылетит в Голландию в сопровождении английского и голландского представителей. Это не рассматривалось как официальная высылка Луизы из страны, но таково было их условие.

И вот в один из солнечных летних дней 1945 года надзирательница тюрьмы доставила Луизу на аэродром, где передала ее мне и английскому офицеру. Луиза сразу же села в ожидавший нас самолет, который быстро поднялся в воздух. Он приземлился в аэропорту вблизи Вассенара, где нас ждала служебная машина. Мы отправились в Амстердам и там в «Американском отеле» заказали номера для меня и английского офицера.

Английский офицер, удостоверившись, что Луиза благополучно прибыла на родную землю, решил, что его обязанности на этом кончаются. Я же, не желая оставлять девушку одну в поисках дороги к родительскому дому, счел своим долгом проводить ее. Я и Луиза пожали руку английскому офицеру и снова сели в машину. Через четыре часа попали в городок, где раньше жила Луиза. По мере того как машина приближалась к ее дому, она волновалась все сильнее и сильнее. От нетерпения Луиза даже наклонилась вперед. Она называла мне знакомые места, говорила, что многое изменилось с тех пор, как она была здесь последний раз, что город кажется ей очень уж маленьким. Наконец мы подъехали к ее дому. Это было большое и красивое здание, стоящее поодаль от других домов.

Я остановил машину метрах в пятидесяти от ворот и, повернувшись к Луизе, предложил ей остаться в машине: лучше, если я подготовлю ее родных, ведь они долгое время не получали от нее никаких известий и могли решить, что ее уже нет в живых. Она согласилась и осталась ждать в машине, но я чувствовал, что ей не терпится скорее обнять своих родных. Из разговоров с ней я знал, что она очень любила свою мать, брата и сестру и уважала отца, который жил отдельно.

Я вошел в дом и позвонил. Долгое время никто не открывал, но вот дверь открылась и показалась женщина. В ней не было даже отдаленного сходства с Луизой, а когда она заговорила, я сразу понял, что она принадлежит к другому классу. (Вначале я принял ее за служанку. Однако позднее выяснилось, что бедные

семьи, чьи дома были разрушены во время бомбардировок, а также эвакуированные жили в свободных домах.)

Увидев человека в офицерской форме, женщина растерялась. Я поздоровался с ней и спросил, не смогу ли я несколько минут поговорить с матерью Луизы.

На лице женщины я заметил удивление и беспокойство.

— Боюсь, что это невозможно, сэр, — ответила она наконец.

— Почему же я не могу ее видеть? — настойчиво спросил я.

— Она умерла четыре года назад...

Это был первый удар.

— Отчего она умерла?!

— Ее дочь Луизу немцы приговорили к смертной казни. Это было, дай бог памяти... зимой 1941 года. Немцы посадили Луизу в «Апельсиновую гостиницу». Ее мать каждый день ходила к тюрьме, думая, что ей, может быть, удастся передать Луизе продукты и теплые вещи. Зима была лютая. Она часами простаивала на морозе... простудилась, заболела воспалением легких и умерла.

Такое известие могло убить Луизу. Ее мать, о которой она так часто вспоминала, умерла, так и не узнав, что же в конце концов случилось с ее дочерью.

— А где ее брат Джон? — быстро проговорил я. — Он дома?

Я знал, что после матери Луиза больше всех любила брата, который ввел ее в группу Движения сопротивления.

Женщина изумилась:

— А разве вы не слышали о нем, сэр? Он исчез. Полиция разыскивает его повсюду.

— Боже мой! — воскликнул я. — Почему же его ищут?!

— Дело в том, сэр, что он был одним из тех, кто выдал Луизу и ее друзей немцам.

Это был еще более сильный удар. Луиза любила брата и верила ему. По дороге домой она много говорила о предстоящей встрече с ним. И теперь я должен был рассказать ей, что брат, которого она боготворила, оказался предателем и сейчас скрывается от правосудия.

— А где ее отец? Не можете ли вы сказать, где я могу найти его?

Женщина засмеялась каким-то скрипучим смехом.

— О, сэр, он недалеко отсюда и в ближайшее время не собирается уезжать.

— Что вы имеете в виду?! — почти закричал я.

— Он находится в концентрационном лагере, недалеко отсюда, — и она показала пальцем куда-то в направлении сада.

— Этот лагерь наши взяли у нацистов. Несколько лет назад

отец Луизы выступил с речью, в которой восхвалял этих проклятых джерри. Как только нас освободили, ребята из Движения сопротивления сразу же схватили его и посадили в концентрационный лагерь. И правильно сделали! Не будет заодно с немцами!

Мне казалось, что почва уходит у меня из-под ног, а стены рушатся. В отчаянии я спросил:

— А ее сестра Элси? Надеюсь, она здорова?

— О да, сэр. Мисс Элси чувствует себя прекрасно. Она до сих пор живет в этом доме.

Это был луч надежды, за который я ухватился.

— Прекрасно. Дело в том, что Луиза жива. Она приехала со мной.

Женщина медленно покачала головой.

— Мисс Элси сейчас нет дома, но вряд ли она захочет иметь дело со своей сестрой.

— Боже мой, почему же?!

— Дело в том, сэр, что мисс Элси — патриотка, как и мы. А ведь всем известно, что Луиза пошла по плохой дорожке. Она училась в немецкой шпионской школе около Гааги, а потом стала шпионкой этих проклятых джерри. Ни один честный человек не захочет иметь дело с предательницей. Мисс Элси и так переживает, что ее отец, брат и сестра во время войны были заодно с немцами. Если бы мисс Элси стала иметь дело с Луизой, это окончательно подорвало бы ее репутацию. Кроме того, учтите, что выдан ордер на арест Луизы. Ей лучше не попадаться на глаза людям.

Это была последняя капля, переполнившая чашу. Я не знал, как сказать обо всем этом Луизе. Тьма крошечная, и ни одного луча надежды. Мать умерла, отец в концентрационном лагере, брат где-то скрывается, а сестра и знать не хочет Луизу. Я боялся, что Луиза не выдержит этих ударов, и в какой-то момент даже подумал скрыть от нее все, увезти обратно в Амстердам, но скоро оставил эту мысль. Луиза поняла бы, что ее обманывают, и рано или поздно все равно узнала бы горькую правду. Чтобы быть уверенным, что Луиза встретит не очень холодный прием в этом доме и отчасти для того, чтобы как-то оттянуть ужасный момент, я задержался на некоторое время, чтобы рассказать встретившей меня женщине историю Луизы. Я объяснил ей, что с Луизы сняты все обвинения и что я, начальник специального отдела бюро национальной безопасности, лично ручаюсь за ее невиновность. Женщина как будто бы поверила мне и даже обещала помочь успокоить Луизу.

За свою жизнь я не раз видел взрослых людей, ползающих на

коленях и молящих о пощаде; не раз разоблачал предателей и присутствовал на заседаниях суда в тот ужасный момент, когда судья надевает свою черную шапочку, объявляя смертный приговор; не раз командовал расстрелом осужденных на смертную казнь. Но я никогда не оказывался в таком затруднительном, положении. Однако делать было нечего. Я вернулся к Луизе и, запинаясь, с мягкостью в голосе, на какую только был способен, рассказал ей обо всем. Она сильно побледнела и, казалось, была не в состоянии понять, что я ей говорил. Несколько минут, после того как я кончил говорить, она была недвижима, и только сжимающиеся и разжимающиеся пальцы ее рук говорили о том, что она не потеряла сознания.

Потом разразилась буря. Луиза закричала тем истерическим пронзительным криком, который режет слух и потом переходит в полурывания и полусмех. Я сильно ударил ее по лицу — это был единственный способ положить конец истерике. Луиза сразу же перестала кричать и разразилась слезами, которым, казалось, не было конца. Она сидела в оцепенении, а слезы градом катились по ее щекам. Временами она конвульсивно вздрагивала. Всклипывая, она повторяла: «Я покончу с собой». И эти слова звучали не пустой угрозой. Было ясно, что человек из двух путей решительно выбрал один.

Минуты казались часами. Наконец Луиза немного успокоилась. Но она лишилась сил, и мне пришлось нести ее до дому на руках. Там вместе с женщиной, которая рассказала мне обо всем, мы уложили ее на диван в одной из комнат первого этажа и стали ждать, когда она перестанет плакать. Я считал, что лучше дать ей выплакаться. Когда она немного успокоилась и стала способна слушать и понимать, что ей говорят, я заговорил с ней со всей серьезностью и властностью. Самоубийство — выход только для трусов. Гораздо больше храбрости требуется, чтобы жить, говорил я. Несчастья, обрушившиеся на нее, ужасны, но на ее стороне молодость. Она еще молода и красива, и лучшие годы ее жизни впереди. Со временем все тяжелое забудется. Ведь сейчас необычное время, а когда все придет в порядок, ее отца освободят, а сестра узнает всю правду. Семья соберется, и счастье вернется в их дом.

Теперь, вспоминая все сказанное мною тогда, я нахожу, что все это было слишком тривиальным и малоубедительным. Но в эти родительские советы я вложил всю силу своего убеждения. То, что совсем недавно я имел власть над Луизой, облегчило мне выполнение моей очень сложной задачи. Во всяком случае примерно через два часа она успокоилась настолько, что я мог не опасаться за ее жизнь. Теперь я мог предоставить Луизу заботам

женщины, которая к этому времени прониклась симпатией к ней и даже обещала присматривать за Луизой, пока она окончательно не придет в себя. Уходя, я оставил этой женщине адрес отеля, в котором остановился, и просил немедленно сообщить мне, если понадобится моя помощь или если что-нибудь случится. На душе у меня было тяжело.

И не случайно. В тот же день около полуночи, когда я, сильно устав за день, собирался лечь спать, зазвонил телефон. Полусонный, я снял трубку и услышал взволнованный голос женщины, которая сообщила мне, что только сейчас Луизу арестовали местные власти, и просила что-нибудь сделать. Несмотря на усталость, я быстро оделся, вызвал машину и помчался в город, где оставил Луизу. Я остановился у здания полиции, где находилась Луиза. Дежурный инспектор сначала категорически отказался освободить Луизу по моему требованию, но после того как я показал ему свои документы и, рассказав о сути дела, припугнул его, самоуверенность инспектора исчезла. Он согласился освободить Луизу на следующий день. Но когда я сказал инспектору, что каждая минута еще более усугубляет его вину, он приказал немедленно освободить Луизу. Чтобы избежать повторения подобных случаев, я подписал документ, который гласил, что я, начальник отдела по расследованию особо важных дел при бюро национальной безопасности, заявляю, что Луиза невиновна и что ни полиция, ни какие-либо другие голландские власти не имеют права подвергать ее аресту. Я отвез Луизу домой, поблагодарил женщину за ее заботу о Луизе и поехал в Амстердам. Было пять часов утра, когда я, изнемогая от усталости и нервного напряжения, не раздеваясь, повалился на постель. Это был действительно трудный день.

IX

Но, несмотря на документ, подтверждающий невиновность Луизы, ее не оставили в покое. И только мой авторитет и боязнь серьезных последствий за нарушение законности удерживали некоторых чересчур ретивых представителей власти от попыток снова арестовать Луизу. Ее адвокату потребовалось пять лет переписки и бесед с властями, после чего с Луизы официально сняли все обвинения и она получила паспорт.

Англичанам и американцам, которые, к счастью, не испытали оккупации и которые десятилетиями воспитывались в духе свободы, не зная всех ужасов войны, трудно понять ту истину, что оккупация обычно изменяет взгляды людей.

В оккупированных странах девиз одних — «делать бизнес, как прежде», девиз других — «сопротивляться до победного конца». Это две крайности. Но что, например, должен делать высокопоставленный чиновник, если его страна потерпит поражение и будет оккупирована? Должен ли он оставаться на своем посту и продолжать исполнять свои обязанности, тем самым помогая своему народу, но рискуя быть обвиненным в коллаборационизме после освобождения страны? В каждой стране есть горстка людей, которые в первую очередь думают о прибылях и быстро богатеют, активно сотрудничая с врагом, но имеются и патриоты, которые после долгих и мучительных раздумий все же приходят к выводу, что их долг — остаться на своих постах. Врачи, полицейские, гражданские служащие, судьи, священники — это те люди, которым приходится принимать трудные решения. Многие становятся участниками Движения сопротивления в силу только патриотизма, но не меньшее число людей — и из-за политических убеждений. Во Франции, Италии и особенно в Югославии «маки», или партизаны, после войны боролись за идеалы коммунизма так же активно, как боролись с немцами во время войны. Чем больше я работал, тем больше убеждался, что мотивы, движущие людьми, неодинаковы.

Жизнь Луизы после ее возвращения в Голландию, по-видимому, была нелегкой. Я потерял с ней всякую связь, но надеюсь, она здорова и счастлива. После всего того, что ей пришлось пережить, она заслуживает быть счастливой.

Итак, дело Луизы было до крайности запутанным. Была ли она «другом» или «врагом»? Я считал ее «другом», но готов согласиться, что можно доказать обратное. Луиза часто бросалась из одной крайности в другую, но я уверен, что ею руководило желание быть истинной патриоткой.

Вся прелесть этого дела заключалась в том, что оно допускало противоположные мнения и, подобно гениальным решениям, найденным учеными-математиками, исключало простые решения. Но, мне кажется, каждый согласится со мной, что Луиза была «другом», а не «врагом».

На этом я заканчиваю главу, которую начал с утверждения, что женщины не могут быть хорошими шпионками. Луиза обладала всеми необходимыми качествами шпионки. Она была красива, умна, бесстрашна, хорошо знала языки. Но чувства победили в ней рассудок. Если бы Луиза не влюбилась в немецкого офицера в Риме, она никогда не навлекла бы на себя и тени сомнения. Но это была бы куда более скучная история.

Пирамидон является составной частью невидимых чернил, которыми пользовались немецкие шпионы. — *Прим. автора.*